

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ирина Котова

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

СКРЫТОЕ ПЛАМЯ

Annotation

Королевская кровь должна была вернуться на трон... И она вернулась.

Казалось бы, теперь все будет хорошо. В Рудлоге вновь есть королева, магия перестала исчезать, землетрясения прекратились. Но не все так, как кажется на первый взгляд.

Старшая принцесса похищена драконами во время обряда коронации и унесена в неизвестном направлении.

На мужа королевы совершено покушение.

Четвертая принцесса не вернулась домой после летней практики в горах.

А в магическом университете, где учится пятая принцесса, ректор пытается поймать пробудившегося демона...

Ирина Котова

Королевская кровь. Скрытое пламя

© И. Котова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

***

1 октября, Милокардеры

Василина

Алтарный камень напоминал доисторический дорожный указатель: треугольное основание и длинная узкая каменная «доска» на нем, немного наклоненная к зрителю, будто пюпитр. Не хватало только обозначений населенных пунктов на обеих сторонах «доски». Вместо этого она вся была покрыта какими-то рисунками, не отличавшимися особым изяществом, — так мог бы нарисовать ветер, деревья и горы малыш детсадовского возраста.

Василина поежилась — теплая накидка не спасала от пронизывающего морозного ветра. Пусть Милокардеры находились на юге страны, но скальная площадка, на которую их перенес Алмаз Григорьевич, возносилась высоко над землей, и с этой высоты были хорошо видны уже почти полностью убранные бесконечные пшеничные поля, светящиеся ржаным и ржавым в свете садящегося солнца, и даже далекое светлое море. У подножия гор поля переходили в виноградники, где как раз шел сбор урожая, и люди отсюда казались крошечными, почти игрушечными.

У края платформы грудой лежали сложенные рабочими камни и инструменты. Высланный еще днем разведотряд доложил, что одна из высоких стен «столба», делавшего его ранее похожим на стул с кривой спинкой, частично рухнула, похоронив под собой артефакт и засыпав камнями площадку, и с тех пор здесь трудилась бригада рабочих, разбивая камни и оттаскивая их к краю площадки. Высокая делегация перенеслась сюда, как только удалось освободить сам алтарный камень и пространство вокруг него.

Маги осматривали камень. Точнее, осматривали его Алмаз и Александр Свидерский, сверяясь с какими-то свитками, но не подходя близко. Максимилиан Тротт что-то записывал или, похоже, зарисовывал знаки; Виктория о чем-то спорила с бароном фон Съедентентом. Премьер-министр Минкен торжественно и нетерпеливо вышагивал туда-сюда по площадке, и от этого мельтешения Василину начало укачивать. Председатели политических партий стояли в длинных пальто неподалеку и выжидающе поглядывали на магов, на королеву и на министра, а охрана, растянувшаяся по периметру площадки, поглядывала на всех. Игра в гляделки затягивалась.

— Замерзла? — на плечи опустился тяжелый теплый плащ, и Василина благодарно улыбнулась. Мариан. Он отказался лечь в лазарет, позволив только обработать раны. Избитый, стоит с фиксатором на носу, с обработанными рассечениями, — наверняка ему больно, но заботится он о ней. Прижаться бы сейчас к нему, пожаловаться на ноющие ноги, на усталость от слишком богатого на события дня, на то, как скучает по мальчишкам и малышке. Мартинку удалось только дважды покормить — после коронации и за пару часов перед отправкой в горы, — и грудь уже ощутимо болела, переполненная молоком; бюстгальтер начинал промокать и холодить кожу. Погреться бы о мужа, полежать-подремать с ним в их большой кровати, попросить размять измученные ступни и лодыжки. Да и просто бы поцеловать, подержаться за него, заряжаясь его силой и надежностью.

Но нельзя. Не из-за правил и норм, а потому, что продемонстрировать отношения на людях — все равно что снимать кино в их спальне. Это только их и только для них, и никого допускать туда она не намерена.

— Ваше величество, все готово, — это ректор МагУниверситета Александр Свидерский: выглядит старик стариком, а голос иногда прорезается мощный, молодой, как сейчас.

Василина подошла вплотную к камню, взяла протянутый нож.

— Сколько нужно крови?

— Вашему деду хватало нескольких капель, но сейчас, после долгого перерыва, думаю, нужно побольше, — проговорил Алмаз Григорьевич из-за ее спины, и она, не задумываясь, чтобы не было страшно, резанула себя по ладони, чувствуя, как дернулся сзади Мариан.

Приложила ладонку к холодному шершавому камню. Кровь струйками потекла по рисункам, капая с наклоненной «доски» на землю.

Ничего не происходило.

«Работай же», — попросила она камень.

Артефакт молчал, молчали и окружающие; текла кровь, сильно болело и щипало в области пореза.

«Работай, пожалуйста».

Молчание и тишина.

«Работай!» — она в раздражении хлопнула по камню рукой, и брызги крови разлетелись по его поверхности, покрыв «доску» красным пестрым рисунком. Артефакт загудел, будто нехотя, набирая обороты, как заводимый огромный механизм, и рука Василины провалилась в камень, словно в холодную вязкую глину, застряла там.

По площадке, разделяя ее на две части, в обе стороны от камня, шипя, пробежала черная, будто выжженная, толстая, в три человеческих шага полоса, добралась до краев скального столба и понеслась вниз. Артефакт заледенел, больно сжал погруженную в него ладонь королевы, словно пиявка, высасывая из нее тепло и кровь, и она стиснула зубы, стараясь не кричать и не волновать мужа.

— Что происходит? — угрожающе произнес он сзади.

— Такого никогда не было, — растерянно пробормотал Алмаз в ответ. — Когда я был придворным магом, хватало нескольких капель. А я четыре раза присутствовал при обряде.

Холодный камень пульсировал, вытягивая кровь, и Василина почувствовала, как становится все холоднее и немеют ноги.

— Смотрите! — крикнул фон Съедентент от края площадки, и она повернула голову. Поверхность соседних гор с обеих сторон разделяла черная полоса, едва видимая в лесной зоне и отлично — на снежном покрове и теряющаяся где-то за склонами.

— Василина, — муж шагнул ближе, сжал ее плечи, — все в порядке?

— Д-да, — трясась от холода, проговорила она, и Мариан напрягся, взял ее за руку.

— Ты вся ледяная, василек. Надо заканчивать. Попробуем завтра.

Губы ее онемели, а застрявшую в камне руку она уже не чувствовала; тело колото иголочками, будто сведенное судорогами. Голова кружилась, и Василине стало казаться, что она слышит довольное чавканье, словно камень решил выпить всю ее кровь и закусить жизнью.

— Н-не могу достать ладонь, — прошептала она, едва шевеля губами, и Байдек увидел, что они у жены совершенно синие. — Не пускает.

— Линия должна замкнуться на севере, — обеспокоенно сказал Старов, шелестя свитками. — Пока не замкнется, Стена не восстановится.

— Плевать я хотел на Стену, — проревел ее медведь. Василина сумела повернуть немного голову и увидела, как Мариан хватает огромный молот, которым расчищали завалы

перед их приходом. Камень теплел, пульсировал слабее, но продолжал удерживать ее ладонь; на его поверхности волнистые линии и кружочки перестраивались в какой-то новый рисунок, но она никак не могла понять, что же там изображено, потому что перед глазами прыгали красные и черные пятна, и королева чувствовала, что сейчас свалится.

— Не делайте этого! — крикнул Старов. — Это единственный шанс спасти Рудлог!

— Ценой жизни моей жены? — рыкнул Мариан, перехватывая молот и направляясь к Василине. Сановники, столпившиеся у артефакта, расступились перед ним, и он замахнулся, вмазал по обрызганной кровью плите, целясь подальше от ее ладони. В глазах темнело, а она смотрела на его руки со сбитыми до крови костяшками пальцев, обхватывающих толстую рукоять молота. Камень застонал, завибрировал, в плечи Мариана ударило отдачей, выворачивая суставы до боли, но он снова замахнулся, снова ударил. Камень задрожал, словно нехотя, с чавканьем выпустил ее ладонь, и Василина, лишившись опоры, начала терять сознание.

Она уже не видела, как гудящий камень вспыхнул золотом и по черной полосе вверх поднялась полупрозрачная блестящая стенка, выгнутая полукругом, словно чаша стадиона.

Стена замкнулась. Маги перенесли королеву вместе с крепко державшим ее на руках мужем в лазарет, где диагностировали у нее серьезную кровопотерю и положили на переливание плазмы. А барон Байдек, убедившись, что супруге больше ничего не угрожает, отправился к живо обсуждавшим произошедшее магам и спокойным голосом пообещал, что, если его жена еще раз будет подвергнута такой опасности, в лазарете она будет лежать не одна.

Мариан и без объяснений и извинений пятерки понимал, что предугадать случившееся было невозможно и что не виноваты ни маги, отнесшиеся к этому как к уникальному эксперименту, ни сановники, ни граждане страны. Понимал, что ведет себя совсем не хладнокровно и неподобающе. Но за сегодняшний, первый день ее правления уже два раза пришлось биться за жену. И, судя по всему, эти разы были не последними.

Ангелина

— Если ты сейчас же не спустишься, — прокричала она сквозь порывы холодного и влажного воздуха, — я начну искать туалет прямо на твоей спине!!!

Дракон словно не обратил внимания на ее слова, да и Ани вовсе не была уверена, что он ее слышал или понимал. Дышал он тяжело, крылья ходили вверх-вниз уже гораздо медленнее, но он упорно нес ее на юг, и под ними начинались предгорья Милокардер. Летели они часов шесть, и терпеть, даже на фамильном упрямстве, уже было невозможно.

Принцесса замерзла, хоть и распласталась на горячем драконе, стараясь вжаться в него; все тело затекло. Просить ящера об остановке было глупо и неловко, но о какой гордости может идти речь в такие моменты?

Она уже передумала все, что могла, о своем похищении и никак не могла сообразить, откуда в столице, да и вообще в мире взялись давно ставшие легендой ящеры. Волшебные сказки рассказывали разное, похищенные девицы там тоже фигурировали, равно как и спасающие их из пещер рыцари, пронзающие крылатых злодеев копьями и увозящие благодарных невест и немалые сокровища, накопленные драконами, на гривастых богатырских конях. Но самой стать героиней сказки оказалось совсем не весело и ни капельки не волшебно. И Кембритч в доспехах и с копьем как-то не представлялся. Хоть он и пытался ее защитить, но, похоже, пули драконью шкуру не взяли. А жаль.

И зачем она им нужна? В сказках как-то упускалась мотивация драконов — предполагалось, что каждый из них спит и видит, как он похищает девушек. Сожрать? Так в Иоаннесбурге много девиц помоложе и посвежее, зачем им именно ее мясо? Получить выкуп? Так вроде в сказках говорится, что у ящеров и самих столько золота, что удивительно, зачем им кого-то похищать — по идее, девицы должны сами табунами приходиться к пещере, дабы осчастливить дракона своим присутствием. Может, ее «заказали» не желающие восстановления монархии? Так и здесь они просчитались: корона выбрала Васюшу, и ящер это должен был видеть и тогда похищать уже ее сестру. Кстати, вот Мариан в доспехах смотрелся бы вполне органично.

Отчаявшись понять логику, которой, возможно, и не было вовсе, Ангелина ждала своей участи, вертела головой, разглядывая своего похитителя и его собратьев, пока не замерзла и не сжалась, пытаясь сохранить остатки тепла. Дракон был красивым и не чисто белым, а каким-то сливочным, с переливами и серыми пятнышками. Никакой чешуи — только плотная горячая кожа, упругая, как обивка дивана. Вытянутая морда с клыками и огромными немигающими глазами. Неожиданно трогательные белые уши, прижимающиеся от ветра к голове, как у коня, если только его увеличить раз в сто и заменить гриву начинающимися на

затылке и спускающимися по длинной шее острыми красными шипами, загнутыми назад, огромными и длинными в начале и короткими и мягкими у самых крыльев. Крылья, все состоящие из жил, тонких мышц и длинных перьев цвета топленого молока.

Ани всегда думала, что крылья сказочных драконов похожи на крылья летучих мышей — с кожаными перепонками, да и иллюстрировали их так, однако на самом деле они больше напоминали крылья ласточки. Но оперение начиналось не у самой спины, а ближе к стигбу крыла, переходя из длинного струящегося пуха в огромные перья больше ее роста.

«Вот Алинке было бы счастье понаблюдать, исследовать и потрогать», — подумала принцесса.

Мощная спина огромного ящера переходила в длинный хвост вполне по сказочным канонам. Под брюхом были поджаты четыре лапы-колонны с устрашающими когтями. А само брюхо было чуть розоватым, как у собаки. Но это она разглядела уже не у своего дракона, а у его сопровождающих.

Ангелина не сразу поняла, что они начали снижаться, и дракон, который нес ее, что-то сурово заклекотал, как рассерженный голубь. Приземлились они на отлогом склоне горы, относительно мягко, хоть зубы и лязгнули от удара.

Дракон изогнул шею, взял ее за юбку (очень трудно сохранять достоинство в такой ситуации, не визжать и не барахтаться, как поросенок, которого держат за лапу) и аккуратно опустил на полянку перед собой. Двое других ящеров продолжали кружить в небе, медленно спускаясь, чтобы приземлиться где-то неподалеку.

— Спасибо, — сказала Ани как можно вежливее, глядя в застывшие желтые глаза, подобрала юбки и побрела к кустам. Дракон сделал пару шагов и снова оказался рядом с ней.

— Будь добр дать мне пару минут уединения, — твердо произнесла она, сурово глядя на бестактного похитителя. Если уж он понял просьбу, должен понять и это. А раз жрать ее пока не собираются, то можно размять ноги и затекшее тело. И даже, возможно...

...Она, зажав мешающие юбки одной рукой и кляня свадебную моду, неслась вниз по склону, перепрыгивая через камни и топча заросли горной черники, а за ней ревел оскорбленный дракон, тяжело шагая следом. Благо бегать он не мог, а может, боялся сломать ноги на уклоне, и принцесса летела вниз, надеясь найти какую-нибудь расщелину, куда можно было бы спрятаться и откуда ее не получилось бы выколотать.

Ани пробежала метров триста, когда проклятое платье зацепилось-таки за торчащую корягу, и она остановилась, дергая его изо всех сил. Но королевские модистки шили на совесть и ткань использовали качественнейшую.

Дракон приблизился, остановился совсем рядом, склонив голову и наблюдая за ней. Платье наконец-то удалось освободить, и принцесса встала, выпрямила спину.

— Признаю, попытка была непродуманная, — проговорила она с достоинством, переводя дыхание. — Но, согласись, будь ты на моем месте, ты бы тоже воспользовался возможностью.

Белый ящер, раздраженно раздувая ноздри, склонился в очевидном намерении снова схватить ее за юбку и закинуть на спину, и Ангелина отскочила назад, выставив перед собой руки.

— Ну уж нет. Хватит, уважаемый, таскать меня, как куклу. Должен быть другой способ на тебя забраться, менее унижительный. И очень надеюсь, что там, куда ты меня несешь, меня хотя бы покормят.

Дракон снова потянулся к ней, и она снова отскочила в сторону.

— Пожалуйста, не нужно. Мне неприятно.

Принцесса говорила с ним, как говорила бы с большой собакой, пытаясь убедить ту себя не кусать. Раз уж он сразу не начал ее жрать и не прибил, значит, можно как-то договориться.

Ее похититель вздохнул тяжело, повернулся боком, опустился на живот, подогнув лапы, выставил крыло, как трап листолета, и она, стараясь не скользить на гладких перьях, величественно поднялась к нему на холку, села, аккуратно расправив юбки. Хорошо, что хоть успела сходить, куда хотела, до своего побега, а то теперь он точно с нее глаз не спустит.

Дракон разбежался вниз по склону и взмыл в небо, а за ним с клетком вознеслись его спутники.

«Вот это порода. Она тебе два слова сказала, и ты уже перед ней на брюхо упал. Настоящая Рудлог», — глумился над Владыкой ничего, похоже, не боящийся Четери, расслабленно паря в потоках теплого воздуха, поднимающихся в горы с Песков.

Энтери молчал, опасаясь злить брата. А Нории нес на спине драгоценный груз, со всей очевидностью понимая, что задача по приручению принцессы будет ох какой нелегкой.

Ангелина проснулась оттого, что заскользила по перекатывающейся мышцами спине, завизжала, падая в сумерки, к темнеющей внизу земле. Полетела головой вниз, вращаясь вокруг своей оси и не переставая кричать. И только всхлипнула, мотнувшись, когда огромная драконья пасть перехватила ее за бьющее по ногам многострадальное платье, заскрипевшее, но выдержавшее, и снова закинула на спину.

«Ей бы отдохнуть, брат».

«Осталось несколько часов, нужно долететь до города. А то снова попробует сбежать».

— Господин дракон, — услышал Нории сзади чересчур спокойный, замораживающий голос, — мне снова нужно на землю. И я хочу пить.

Она говорила тихо и хрипло, будто сорвала голос, и старательно выговаривала слова, словно останавливая истерику, но его чуткие уши все слышали — и скрываемые эмоции тоже. Садиться не хотелось, нужно было улететь как можно дальше от границы с Рудлогом, под защиту Песков, но слабые женщины — не мужчины, потерпеть не могут. Хотя конкретно эта почти неотличима по силе духа от воина: не жалуется, не требует ничего, не плачет, а нынешняя слабость вполне объяснима недавним падением.

Она больше ни о чем не просила, просто сидела, вцепившись в него, и минут через сорок Нории увидел наконец-то первый темнеющий пятном на светлом от луны песке оазис, чуть наклонился, уходя на круг, чтобы сесть у воды. За ним шумно хлопали крыльями его спутники.

Принцесса, не дожидаясь, пока он подставит крыло, съехала вниз по его боку, неловко приземлившись и едва сохранив равновесие на влажной почве, бросила на него ледяной взгляд и с прямой спиной удалилась в заросли папоротников.

«Сейчас опять ведь попробует сбежать, Нори. Куда отпускаешь?».

«Чет, не учи меня, как обращаться со своей женщиной».

«Она пока еще не твоя».

«Ничего. Скоро будет».

Драконы жадно пили из небольшого мелкого озерца, прислушиваясь к звукам в папоротниках и готовясь снова броситься в погоню. Однако Ангелина, повозившись в

зарослях, спокойно вышла обратно, придерживая юбки, прошагала босыми ногами меж двух ящеров к озеру, наклонилась, ополоснула руки, лицо, отошла немного от места умывания и стала пить горстями, не обращая на следящих за ней похитителей внимания.

«Не побежала, — в голосе Четери слышалось разочарование. — А я уж настроился на веселье».

«Куда ей бежать в темноте? Значит, смирилась и голова есть на плечах. Да и не стоит многого ждать от женщин».

«Она в первую очередь Рудлог, Владыка, не надо ее недооценивать. У них вместо головы — упрямство».

«Кровь могла и разбавиться за столько-то лет».

«Дай-то Боги. Тебе же будет легче».

Напившись, принцесса терпеливо встала рядом с драконом, но смирения в ее фигуре не было ни капельки. Нории повернул голову, встретился с ней взглядом, и тут она подалась вперед и ласково сказала:

— А теперь ты посадишь меня на спину и быстро отнесешь обратно.

Его сознание, пропустив неожиданный ментальный удар, ухнуло куда-то в хаотичный водоворот; он протянул крыло, по которому она быстро взобралась, коротко разбежался и взмыл в небо.

«Куда! Нори, город в другой стороне!»

«Она его заморозила, Чет».

«Отчаянная девка! Нории! Щиты!!»

Он слышал братьев, но ничего не мог сделать, пробираясь к контролю над собой из глубин бьющегося тяжелыми покорными волнами сознания.

— Хорошая ящерка, — довольно проговорила наездница и даже одобрительно хлопала его по холке, как послушную лошадку. Он заревел, затряс головой, продолжая нестись в темноте на север, обратно к Рудлогу, свирепея где-то внутри оттого, как легко подставился и забыл про особенности родовой магии своей невесты.

Перед ним вдруг резко и опасно скользнул вниз Энтери, почти коснувшись его крылом, и Нории, чтобы не врезаться и не переломать себе все, взмыл вверх, раздраженно клекоча и чувствуя, как вцепилась в его гребень ахнувшая принцесса. Но ударивший по жилам адреналин внезапно очистил голову за те несколько мгновений, пока организм работал бессознательно, на чистых инстинктах.

«Пришел в себя?»

«Спасибо, брат».

«Вот тебе и разбавленная кровь, Нории».

«Не серди меня, Четери!!!»

Ани поняла, что и эта попытка провалилась, когда дракон, рывкнув что-то недоброе — и со всей очевидностью понятно было, что это недоброе предназначалось ей, — зашел под тускло светящим полумесяцем на широкий круг и развернулся обратно. Ну и ладно. Справимся. Главное — снова очутиться на твердой земле, а там что-нибудь придумаем. И в конце концов, когда же наконец эти полетушки закончатся? Спать хотелось невероятно, пусть хоть в пещере, хоть в норе земляной, а вот на спине обманутого ящера надо постараться больше не дремать. А то ведь может и не поймать снова... после ее выступления.

Полет продолжался еще часа четыре, и принцесса держалась на чистом упрямстве, поглядывая вниз и пытаясь понять, где же пролегает их путь. Луна освещала длинные гладкие волны, и Ангелина даже сначала подумала, что они летят над океаном, но волны не двигались, влагой и солью не пахло, наоборот, тянуло теплом, и она наконец-то сообразила, что это барханы, а внизу — пустыня. Когда-то давно она с матерью была с визитом в Эмиратах, и на одной из увеселительных прогулок слуги эмира Тайтаны возили их к бедуинам в пустыню показать древние постройки и похвастать нефтяными вышками, качающими черное золото из чрева иссушенной земли. Тогда жальщее солнце и дышащий зноем безжизненный песок просто вымотали ее до полубморочного состояния. Она, помнится, еще долго недоумевала, как в таких условиях могут жить и выживать люди, и до слез было жаль тонких чернявых голодных детишек, державшихся поодаль и жадно рассматривающих их машины с огромными колесами и нескромный завтрак, привезенный с собой, который накрыли тут же, в бедуинской деревне.

В Эмиратах общение с низшими слоями считалось недостойным и грязным, и ей, как и матери, приходилось вежливо есть, хотя кусок в горло не лез, улыбаться и отворачиваться от голодных взглядов столпившихся возле охраны жителей. Слуги держали над высокими гостями огромные зонты, обмахивали опахалами, брызгали в воздух у стола водой с ароматом роз, чтобы перебить вонь от, наверное, никогда не мывшихся людей. А вот Василина, наплевав на запреты и приличия, натаскала со стола вкусной еды и пошла угощать детей. Ей было простительно, она не была наследницей. Поэтому эмир снисходительно прошелся по чересчур доброму сердцу второй принцессы и похвалил понимание своей исключительности у старшей.

Да, понимания своей роли у нее всегда было достаточно. Первая принцесса дома Рудлог и не представляла себя вне ее, пока не случился переворот и не пришлось осваивать другую роль. И с ней, как Ани смела надеяться, она тоже справилась превосходно.

А теперь-то что? Придется примерять на себя роль укротительницы драконов?

Драконы махали крыльями всё медленнее и скользили сквозь теплый воздух, легко овевающий ее лицо. Ангелина снова посмотрела вперед и вниз, через шею своего похитителя, и застыла, залюбовавшись открывшимся видом. Впереди, посреди пустыни, расположился белеющий в свете месяца город. Он был словно призрак — белый и темно-синий, со светящимися глазами-окошками и фонарями, с глубокими тенями и провалами между постройками. Невысокие дома в два-три этажа, но большие, широкие улицы, расположенные кругами, кривые переулочки и тупики. Отчетливо видимые, когда они пролетали над ними, сады и фонтаны, освещенные огнями. Несмотря на позднюю ночь — люди на улицах, запахи жареного мяса, специй и каких-то сладких цветов, шум пронесшегося под ними базара, шпили цветных храмов. Совершенно живой восточный город. И посредине его — поднимающаяся громада дворца, похожего на цветок с его резным белоснежным куполом, отливающим при движении всеми цветами радуги, с возносящимися четырьмя башнями, с внутренним двором, охваченным зданием, как крепкими руками. И огромный сад за дворцом.

Ангелина так хотела посмотреть на это чудо поближе, что даже не удивилась, когда драконы пошли на снижение, один за другим мягко опускаясь во внутренний двор дворца, у бьющего веселыми струями фонтана. Ее дракон сел последним, но не стал подставлять крыло — повернулся, сверкнув желтыми глазами, щелкнул пастью, схватил ее за юбку и опустил на цветную плитку, которой была выстлана земля вокруг фонтана.

«Обиделся», — подумала она, поднимаясь и отряхивая платье.

К ним подбежали какие-то люди, остановились, многократно кланяясь и явно приветствуя драконов.

«Ну вот тебе и пещера, — Ангелина оглянулась. — Осталось понять, кто хозяин».

Долго гадать не пришлось, потому что пернатые ящеры начали один за другим вспыхивать и оборачиваться. И будь ситуация иной, она бы хлопала в ладоши и прыгала от восторга. Наверное. Если бы никто не видел.

Но сейчас принцесса с застывшим на лице равнодушием смотрела, как загорается прозрачным золотом, видимым, наверное, только ночью, драконий контур, как сжимается он почти до ее размеров и остывает, а на месте огромного зверя остается очень высокий обнаженный мужчина с красными волосами.

Почему-то на других Ангелина не смотрела — только на того, кто похитил ее. Он не спешил одеваться, хотя подбежавшие слуги протягивали ему какую-то одежду. Дракон, прикрыв глаза, уже жадно пил что-то из широкой кружки, шумно глотая и вздыхая, будто смертельно проголодался и ему подали не питье, а еду. А принцесса могла его рассмотреть.

Выше ее минимум на две головы, с длинными, ниже лопаток, красными волосами, бледный, с переливающейся перламутром кожей, по которой пробежали светящиеся змейки и зигзаги. На теле волос не было, и само тело, несмотря на мощь — он мог бы посадить принцессу с ее немаленькой попой себе на одно плечо, — было очень изящным, с длинными ступнями и ладонями. Никаких бугрящихся мышц, но очевидны и рельеф, и сила. И на теле этом постепенно холодным светом начинал светиться какой-то сложный орнамент, как будто нарисованный люминесцентными красками.

Он допил, опустил чашу и глянул на нее горящими багровым глазами.

— Кровь горчит, — сурово пророкотал он склонившемуся перед ним слуге, — в следующий раз не смейте брать старого барана.

— Простите, Владыка, — пролепетал тот испуганно.

Боги, так это он кровь пил? Страшно, неприятно и мерзко.

Но вслух Ангелина, глядя в нечеловеческие глаза, спокойно произнесла:

— Не хочу прерывать вашу трапезу, раз уж у вас принято сначала есть самим, а потом кормить гостей. Но, признаюсь, я без сожаления поменяю созерцание ваших тел на хороший ужин и удобную постель.

Развернулась и пошла к замеченному входу, хотя вполне ожидала, что там могла быть прачечная или кухня.

Сзади раздался смешок одного из драконов, а перламутровый Владыка рявкнул:

— Проводите вашу госпожу в ее покои!

Ангелина не оглядывалась, ждала, пока к ней подойдут.

Слуги, одетые в просторные белые одежды, почтительно провели ее по коридорам дворца. Рассматривать интерьеры не было сил, хотя взгляд сам по себе выхватывал детали: арки, витые колонны, ступенчатые потолки с мягко светящимися светильниками, высокие узкие окна, из которых пахло южной ночью.

Дошли до очередной арки, завешенной полупрозрачными кольшущимися покрывалами. Там ее ждали служанки — две молоденькие девушки с покрытыми головами и две женщины в возрасте, похожие, как сестры, с заплетенными длинными косами, в цветных платьях в пол и повязках на головах.

— Это женская половина, мужчины сюда не ходят... Кроме господина, — прошелестел

старший слуга, такой величественный сухой старик, что Ангелина мысленно окрестила его дворецким.

Она кивнула, принимая к сведению. Хотелось расспросить обо всем поподробнее, но сил не было вообще.

— Позвольте сопроводить вас, сафаита, — поклонилась старшая из женщин, приподнимая занавески.

На женской стороне сильно пахло благовониями, и Ангелина поморщилась — она не переносила резкие запахи.

Они долго шли по длинному коридору, от которого отходили какие-то ответвления.

— А что там? — принцесса все-таки не сдержала любопытства.

— Там живут женщины Владыки, госпожа, — как о само собой разумеющемся ответила старшая женщина. Остальные молча шли позади, не вмешиваясь в беседу.

Прекрасно. Здесь еще и гарем.

— И много женщин?

— Почти пять десятков. Господин никого не обделяет любовью.

— Это утешает, — пробормотала Ани, справедливо рассудив, что, раз женщины у перламутрового Владыки в избытке, она ему нужна в каком-нибудь другом качестве. Только вот в каком?

Они прошли из коридора в просторный круглый холл, стены которого были украшены блестящими мозаиками, а полы застелены пушистыми коврами. В центре зала бил уже привычный фонтан, в воде чаши которого она увидела разноцветных рыбок. В помещение выходило несколько дверей, формой напоминающих разрезанные луковицы, и у одной из них старшая женщина остановилась. Остальные замерли поодаль.

— Это всё, — она обвела ладонью помещение, — ваши покои, госпожа. Здесь раньше жила матушка Владыки.

— А где она сейчас? — не хотелось ущемлять неизвестную ей драконью родительницу или ставить их обеих в неудобное положение.

Сопровождающая ее промолчала, открывая дверь, и Ангелина не стала повторять вопрос, зашла в комнату.

Это была огромная спальня. Белый мрамор и золото, очень много золота. Восьмиугольная, с цветными легкими занавесками на окнах, с живыми цветами, с красными и зелеными коврами на полах. Очень низкая кровать, на две ладони поднимающаяся над полом, с резными ножками из темно-красного дерева, плетеные диванчики с пухлыми расшитыми золотым орнаментом подушками, изящные столики с фруктами и напитками, несколько вделанных в стены зеркал, матовый золотой потолок со светильниками по периметру. Не комната, а рай для наложницы.

— Как мне к вам обращаться? — спросила принцесса у замолчавших, ждущих, пока она осмотрится, служанок.

— Я Суреца, но обращение по имени — слишком большая честь, госпожа. Называйте нас малиты, прислужницы.

— А вас? — обратилась она к остальным.

Те испуганно промолчали. Ответила опять старшая:

— Если госпоже угодно, то это моя сестра, Мариза. А это мои дочери, Майя и Латифа.

— Благодарю, — отозвалась Ани, переступая с холодного мрамора на теплый ковер. —
Мое имя Ангелина. Вы поможете мне раздеться?

— Мы здесь для того, чтобы служить, вам, сафаиита. Мы так долго этого ждали, — пробормотала робко вторая сестра. Старшая строго взглянула на нее, и та осеклась.

— Мариза слишком болтлива, простите ее, госпожа. Купальня полна воды, если вы пожелаете искупаться.

— Пожелаю, — Ангелине было и странно, и непривычны эти раболепие и робость прислуги. Младшие вообще боялись глаза поднять и только иногда, пока старшие помогали ей снять наконец-то тяжеленное многострадальное платье, с каким-то нездоровым возбуждением и благоговением поглядывали на нее, будто она была духом их прабабушки.

На самом деле не хотелось ни купаться, ни даже есть. До ломоты в висках и скулах — от попыток сдержать зевки — хотелось спать. Но ложиться грязным телом на чистое белье... нет уж. И она с радостью проследовала в купальню через центральный зал в одну из изящных луковичных дверей.

Помещение не меньше, чем спальня, те же мрамор и золото, пар в воздухе, несколько бассейнов — помельче и поглубже, — множество каких-то горшочков, склянок с маслами, щеток, брусков цветного мыла, разноцветные стекла в окнах, длинные ложи, кресла для отдыха, звук непрерывно льющейся воды — это бесконечно наполнялись холодной и горячей водой бассейны. Ангелина сняла сорочку, белье и с наслаждением отдалась в умелые руки служанок, вымывших в одном из мелких бассейнов ей голову и тело, ополоснувших терпко пахнувшей хвоей водой. И пусть было неприятно допускать чужие руки к себе, сейчас было не до капризов. Принцесса представила себе, что находится в своей дворцовой спа-зоне, и отвлеклась от переживаний, как умела это делать всегда.

Волосы закутали в теплое полотенце, вытерли влагу с кожи, надели длинную белую рубаху до пяток, восточного покроя, преподнесли тапочки, похожие на вышитые чешки, и наконец-то проводили обратно в спальню. После ванны Ани даже посвежела немного и захотела есть. Кровать была уже разобрана, а на столике рядом с ней, помимо фруктов и кувшинов с напитками, появились и горячие блюда. И еще кое-что.

— Это что такое? — вопрос был глупый, потому что «этим» оказались несколько массивных золотых браслетов с огромными драгоценными камнями. Такого размера камней не было и в короне Рудлогов. Рядом лежало плетеное золотое ожерелье, словно кольчуга на шею до груди, такое тяжелое, что мышцы на руке напряглись, когда принцесса потянула его на себя. Кольца, серьги, ножные браслеты, цепочки на талию, украшения для волос — и все просто кричащее о невероятной стоимости. Это богатство небрежно лежало между блюдами, как могли бы лежать цветы или украшающие стол салфетки.

— Это дары господина вам, сафаиита, — в голосе старшей служанки все-таки проскользнуло некое недоумение от ее вопроса.

— Щедрый господин, — с непонятым выражением произнесла Ангелина, рассматривая кольцо с переливающимся изумрудом размером с монету. Красиво, что говорить.

— Очень щедрый, — с благоговением ответила Суреца, — он со всеми своими женщинами так щедр.

— За еду и прием ему передайте спасибо, — принцесса брала украшения горстями и бросала их на кровать. — А драгоценности у нас принимать от чужих мужчин не принято. Заберите и унесите обратно.

— Господин рассердится, — робко произнесла Мариза, а ее старшая сестра

неодобрительно смотрела, как гостья очищает стол от золота.

— Не унесете — выброшу в окно, — отрезала Ани, с удовольствием откусывая кусок теплой лепешки. — И благодарю вас за помощь, дальше я справлюсь сама.

Служанки намек поняли, поклонились и удалились, но к драгоценностям так и не притронулись. Пришлось со вздохом исполнять обещание и выбрасывать. Заодно оценила вид — окна выходили в замеченный еще во время полета сад, в котором светили редкие фонарики. Людей вокруг видно не было. Дворец спал.

Принцесса сунула в рот еще кусочек лепешки, налила в высокий фарфоровый стакан лимонада, запила. С сожалением взглянула на расправленную постель, подошла к окну, перекинула ногу через подоконник и спрыгнула вниз, благо было совсем невысоко. Прохрустела ногами по выброшенным драгоценностям, отошла, но быстро вернулась, подняла что-то, зажала в руке.

Через пару минут она уже быстро шла в темноте по парку, стараясь сориентироваться и при этом избегать освещенных мест. Шла долго, минут сорок, пока не уткнулась в высокую, сложенную из белого камня ограду, и еще минут десять брела вдоль нее, слушая трели неспящих птиц и вдыхая тяжелый аромат ночных цветов. Узкий месяц давал тем не менее достаточно света, и она издали увидела калитку, побежала к ней.

«Видимо, воров здесь не боятся, — подумала Ани, открывая изнутри хлипкую щеколду и распахивая калитку с душераздирающим скрипом. — Хотя кто в своем уме полезет воровать у драконов?»

Теперь она двигалась по булыжным мостовым, стараясь уйти по улицам как можно дальше от дворца. Не было ни патрулей, ни стражников, редкие встречающиеся люди не стремились пристать или выяснить, куда это направляется одинокая женщина в белой рубаше. Даже странны такая безмятежность и отсутствие подозрительности.

Очень долго принцесса шла по городу, опять замерзла и всю зевала, но останавливаться не собиралась. Ани обратила внимание, что не было ни припаркованных, ни проезжающих машин; иногда катились мимо телеги, запряженные осликами, и всё.

«Если получится выйти из города, — думала она, — можно будет попроситься к кому-нибудь на ночлег или посмотреть гостиницу. Расплачусь прихваченным золотом, а дальше буду действовать по ситуации. Главное — затеряться, в таком городе это не сложно, а дальше уже искать тех, кто поможет добраться обратно в Рудлог».

Ангелина шла уже более двух часов, когда дома стали встречаться реже, между ними начали попадаться пустыри, а под ногами стал иногда поскрипывать песок. Ноги в тонких чешках нещадно болели от камней мостовой, и тело умоляло наконец-то поспать. Поэтому она направилась в первый попавшийся дом с надписью «Сарай» и там у невозмутимого усатого хозяина сняла комнату, расплатившись золотым кольцом. Ей спокойно отсчитали сдачу, сложив ее в мешочек, оказавшийся ну очень увесистым. И беглянка, поднявшись наверх, наконец-то уснула крепким сном смертельно уставшего человека, несмотря ни на грубые простыни, ни на душный воздух в комнате.

Она не могла видеть, как через час после ее появления у гостиницы приземлился белый дракон, как кланяющийся и прижимающий руку к сердцу хозяин возвращал драгоценное кольцо, получив за него полную стоимость и еще сверх того. Как провожал он обнаженного огромного мужчину в ее комнату. Не чувствовала она и того, как ее взяли на руки, и понесли, и долго несли обратно, опасаясь оборачиваться, чтобы не будить. Ангелина спала, и ей снились ласковое укачивающее море и запах соли и солнца.

На следующий день она проснулась поздним утром на низкой кровати в мраморной золотой спальне и невозмутимо встретила взгляд сидящего в кресле Владыки. Его глаза были совершенно обычные, зеленые, и он, слава богам, был одет.

— Теперь с тобой будет ночевать служанка, а в саду будет стоять стража, — сказал он очень спокойно своим рокочущим голосом. — Люди в Истаиле оповещены, что за укрывательство или помощь тебе они будут наказаны.

Ани не удержалась-таки и насмешливо изогнула уголки губ. Что же, задача усложняется.

Ее похититель внимательно глянул на нее, поднялся и вышел, чтобы не смущать гостью в ее спальне. А принцесса осталась недоумевать: что же все-таки ему от нее нужно? И как, во имя святых отшельников, он ее нашел?

Через минуту после ухода Владыки в спальню вошли служанки, замерли у входа, попросили позволения помочь госпоже.

— Что значит «сафаиита»? — спросила принцесса у молчаливой Сурезы, провожающей ее до купальни, пока остальные быстро приводили в порядок спальню, протирали полы и столики, меняли вазы с фруктами и кувшины с напитками.

— Та, которая имеет право повелевать, госпожа, — почтительно ответила служанка, открывая перед ней дверь.

— А «малита»?

— Та, кто имеет обязанность прислуживать, госпожа.

Ангелина вошла в купальню, скинула рубаху, погрузилась в бассейн с прохладной минеральной водой, пузырями щипавшей ее кожу. Она долго и с удовольствием плавала, затем выбралась, пошла в чашу с горячей водой, отказавшись от помощи, сама намылилась, ополоснулась. Вязкое мыло было маслянистым, с сильным ароматом роз и лилий.

— Мне нужно другое мыло, Суреза. У этого слишком сильный запах, у меня голова разболится к концу дня.

— Хорошо, госпожа. Я передам мыловарам ваше пожелание.

Ани завернулась в нагретое полотенце, приготовленное служанкой, завертела головой в поисках зубной пасты и щетки. Вчера она не обратила внимания на их наличие, а сейчас проскользнула мысль: а вдруг здесь ими не пользуются? Хотя никакого неприятного запаха она от общающихся с ней не заметила, но мало ли.

— Чем вы чистите зубы?

Суреза выставила перед ней горшочек с массой светло-зеленого цвета и щетки, почти такие же, как в Рудлоге, только с какой-то растительной щетиной, расположенной вокруг рукоятки.

— Спасибо.

«Паста» оказалась приятной и освежающей, с привычными нотками мяты и травяным привкусом. Не все так плохо. Кормят, моют, одевают, за побег даже пальцем не грозят. Осталось выяснить, зачем эти хлопоты. И попасть домой.

В спальне было чисто и свежо, несмотря на жаркий день снаружи. Снова накрытый стол, и снова лежащее на столе золото. Теперь — на широком плоском блюде, и исключительно кольца, изящные и массивные, с камнями и без, а сверху, подмигивая большим изумрудом, — то самое кольцо, которое она вчера взяла с собой.

— Дары Владыки? — иронично спросила она у служанок, замерших у стен.

— Да, госпожа, — робко ответила одна из младших, Майя, кажется. Она была покрупнее

сестры, и кожа чуть посветлее.

— И обратно вы их ему не понесете, конечно?

— Не можем, госпожа, — служанка опустила глаза.

— И себе забрать не можете?

Ответом были испуганные взгляды и качающиеся головы.

— Понятно, — проговорила Ангелина, перехватила тяжеленное, готовое треснуть от драконьей щедрости блюдо, подошла к окну и высыпала содержимое на землю. Вчерашние подарки неаккуратной грудой все еще лежали под окном, и убирать их никто не собирался.

Заодно она заметила и маячивших в некотором отдалении стражников, и работников, что-то делающих в саду.

Служанки смотрели на нее с плохо скрываемой укоризной. Вообще мимика у тех представителей этого народа, которых принцесса уже видела, была очень живой, богатой, скрывать чувства они не умели, и поэтому все было понятно, даже если они переговаривались на своем языке.

Суреца тем временем принесла несколько цветных платьев — видимо, за одной из дверей круглого зала скрывалась гардеробная, — мягкую кожаную обувь без каблука, нечто вроде туфель на небольшой платформе. Каблуки тут, видимо, были неизвестны, к Ангелининому облегчению. Суреца помогла ей одеться — платье было легким, с широкой талией, приятным телу, темно-зеленым в ярких цветах; и со своими черными волосами, с пышной грудью и попой она стала похожа на тидусску из кочевых их представителей. Лицо, правда, после вчерашнего полета было красным, обветренным и обгоревшим. Но выглядела она свеженько, в духе ориентального фольклора. Не хватало только обилия украшений, но без этого обойдемся. Хотя, как Ани заметила, даже служанки здесь носили серьги и браслеты. Женщины Востока и Юга всегда любили золото, это она отметила еще в Эмиратах.

Ангелина поинтересовалась, сколько времени. Был почти полдень, как она и думала. Уселась в кресло, на мягкие подушки, и младшие малиты засуетились, обслуживая госпожу и не давая ей самой положить того, что хочет. Пусть, раз здесь так принято.

Но не успела она сделать и пары глотков восхитительного, чуть горьковатого цитрусового лимонада с привкусом каких-то сладких ароматных ягод, как дверь открылась и снова появился красноволосый Владыка, коротко приказавший: «Выйдите!» Прислужницы поклонились и метнулись к выходу.

В другой раз Ани бы возмутилась тому, что мужчина врывается в ее спальню, не спросив разрешения, да и в прошлой дворцовой жизни это было невозможно, а в деревенской посторонних мужчин, готовых ворваться в спальню, не наблюдалось вовсе. Но сейчас она просто наблюдала за тем, как дракон проходит к столику, располагается в кресле, сбросив на пол подушки. И молчала. Сейчас он все скажет сам, а кричать «что вы делаете!» и «ах, какой наглец!» не в ее привычках.

Мужчина тоже молчал, разглядывая ее, и принцесса сделала еще несколько глотков, поставила фарфоровый стакан, взяла приборы и начала аккуратно есть. Он тоже положил себе немного мяса, овощей и присоединился к трапезе. Молча долил ей лимонада, когда она допила, передал вазу с фруктами, когда потянулась. Возможно, он пытался играть на нервах или испытывал ее, но молчание Ангелину совершенно не раздражало и не волновало. Только не ее. А вот момент, когда он откроет рот и заговорит, заставлял немного напрягаться. Совсем чуть-чуть. Как и то, что он иногда поглядывал на нее, жмурился, словно кот на солнце, и, кажется, удерживался, чтобы не потянуться.

Наконец поздний завтрак закончился, а молчание продолжалось. Они сидели в креслах — он откинувшись, она прямо — и смотрели друг на друга, и никто не хотел сдаваться первым. Это было бы смешно, если бы не напряжение, накапливавшееся в воздухе, и не понимание того, что даже легкий смешок, который, казалось, мог бы разрядить обстановку, будет признанием поражения в этой битве характеров.

В воздухе вдруг запахло грозой и снегом, и Ани сделала над собой усилие, чтобы выровнять эмоциональное состояние.

Дракон принюхался, чуть улыбнулся и совершенно спокойно, будто не было длительных минут игры в гляделки, спросил:

— Почему ты не принимаешь золото? Ты считаешь эти украшения недостойными тебя?

Говорил он чуть с придыханием; голос был низкий, вибрирующий и гулкий, как звук большого тяжелого барабана, и совершенно точно не похожий на обычный человеческий. Да и он сам был немного неземным, непривычным.

Ангелина еще немного помолчала, наслаждаясь тем, как от этой паузы улыбка сходит с лица ее похитителя. Успокоиться удалось удивительно быстро.

— У нас не принято принимать украшения от мужчин, не являющихся родными или близкими. Это оскорбительно. А уж от незнакомых мужчин, про которых даже не знаешь, как их зовут, — тем более.

— Мое имя Нории Валлерудиан, ветвь дома Вайлертин, — прогудел он, испытываяще глядя на нее. Будто чего-то ждал?

— Ангелина Рудлог, — коротко представилась принцесса, пытаюсь вспомнить Вайлертинов и понимая, что где-то она имя этого рода уже слышала. У нее была отличная память, но то ли слышала давно, то ли упустила, как несущественную деталь.

— Я знаю, — усмехнулся дракон. Когда он улыбался или щурился, с него слетала томность и полубожественность, будто он спускался на землю.

Снова оглядел ее с ног до головы. Ангелина сидела с прямой спиной, аккуратно сложив руки на коленях, и ждала продолжения.

— Почему ты не принимаешь свою форму? Ты совсем не похожа на Рудлог в этом теле. Я бы никогда не узнал тебя, если бы не характерная аура. Вы же полиморфы, это одно из основных ваших свойств.

Ну не станет же она говорить, что пробовала оборачиваться один раз, после экспериментов младших сестер, и то в лошадь?

— На мне действие чужого маскирующего заклинания, — осторожно ответила Ани. — Снять его я не могу.

— С твоей силой? — недоверчиво переспросил он. — Любые завязки должны вспыхивать и сгорать, если ты захочешь.

Она пожала плечами, потянулась снова за лимонадом, и снова он успел первым: наполнил ее стакан, отставил кувшин.

— Почему вы сейчас выглядите как человек? Вчера вы казались гораздо выше, — что же, поддержим беседу о внешности, раз ни о чем другом дракон говорить не хочет.

— Это боевая форма, — легко ответил он. — Мы и есть люди, такие же, как ты. Просто обладаем несколькими обликами и отличными от других потомков богов свойствами. — Дракон внимательно посмотрел на нее. — Ты не хочешь спросить, зачем я принес тебя сюда?

— Разве вы пришли не за тем, чтобы сообщить мне об этом? — парировала Ангелина холодно, так и не отпив. Стакан остался в ладонях, и она на мгновение почувствовала презрение к себе за эту слабость — занять чем-нибудь руки. Поставила его на стол, расцепила пальцы. Главное, что внешне она спокойна.

— За этим, — согласился Владыка Нории. — Мне нравится, что ты так хладнокровна. Значит, есть надежда, что ты спокойно отнесешься к тому, что я сейчас скажу.

— Можете быть в этом уверены, — ответила Ангелина, и он снова довольно улыбнулся. Отщипнул с увесистой ветки виноградину, покрутил ее в пальцах.

— Очень много лет назад между моим народом и твоим была война, — наконец произнес он. — Пятьсот лет назад, если быть точным. Твой предок, Седрик Рудлог, предал мирные договоренности и победил нас хитростью. Когда мы прилетели за миром, он в союзе с тогдашним блакорийским королем заключил нас в гору. Весь наш род. Мы прилетели всей стаей, так как было оговорено, что аристократия с обеих сторон заключает взаимный договор на условно-нейтральной территории. Такой территорией тогда были Милокардеры.

Ангелина прекрасно знала, что летописи воюющих сторон всегда пишут о войне поразному, и враг всегда хитер, недостойн и мерзок, поэтому и не приняла рассказ за истину в последней инстанции. Тем более она не помнила никакой войны между Седриком и

драконами. Предок был воинственным, это она знала, по его биографии даже несколько сериалов сняли, но ни о каких драконах, горах и прочем речи не шло.

Красноволосый мужчина все крутил виноградину, пока не брызнул сок. Он поморщился, отложил ее, вытер руки о салфетку.

— Три месяца назад наша темница рухнула, и оставшимся в живых удалось вернуться в Пески. До заключения и анабиоза нас было около четырех тысяч. Вернулось чуть более трехсот. Наш народ на грани вымирания. Наши земли иссушены, наши города скрыты песком, наши подданные рассеяны по пустыне и ведут борьбу за существование. Моих сил хватило только на то, чтобы дать воду и жизнь этому городу, Истаилу.

Он посмотрел на нее. В его глазах принцесса увидела боль и ярость, и все это было направлено на нее.

— Перед богами и небом я требую с тебя, как со старшего потомка Седрика, возвращения долга. Постой, не сердись, дослушай меня, — он протянул руку, успокаивая. Ангелина сама не заметила, как сжала зубы и взгляд ее заледенел. — Я не предложу тебе ничего недостойного. Ведь Рудлоги всегда платят по долгам? — спросил мужчина, изучающе глядя на нее.

— Все долги перед богами мы закрыли смертью моей матери, — отрезала она.

Дракон покачал головой.

— Ее жизнь взяли не мы. Значит, она искупила какой-то другой долг. Мне нужна твоя жизнь.

— В жертву принести хотите? — уточнила Ани спокойно.

— В брачную разве что, — Нории снова оторвал виноградину, снова начал катать ее в пальцах. — Твоя кровь уникальна, и брак с тобой позволит нашему роду возродиться и даст мне силы для оживления Песков.

Ну конечно. Еще один жених, на этот раз с крыльями.

— Если я откажусь, вы меня отпустите?

Он покачал головой.

— Нет.

Можно было и не спрашивать.

— Подумай хорошо. Мой род такой же древний, как и твой. Мы дети Белого Целителя и Синей Богини. Такой брак не будет для тебя бесчестьем. Ты будешь жить в почете и уважении, и я никогда тебя не обижу. Мой народ будет поклоняться тебе как богине, и имя твое воспоют в легендах, как имя нашей спасительницы.

— Нет, — ответила принцесса в тон ему. — У меня в Рудлоге обязательства. Меня ждут и наверняка ищут. И рано или поздно найдут. Разве вам нужна еще одна война? А с вашим богатством вы вполне осилите систему ирригации. Пустыню можно озеленить и без меня. Я могу стать посредником между вами и другими странами, предоставить вам технологии, инженеров, медиков.

— Стена есть не только у Рудлога, — сообщил он, хмурясь. — Никто не войдет сюда с недобрыми намерениями. Ирригацией не возродишь драконий род. Нам нужна ты.

— Нет, — повторила Ани твердо. — У меня в Рудлоге сестра, только вчера ставшая королевой, которая без моей помощи не справится. У меня там родные, отец. Я не брошу их.

— Ты изменишь решение, — пророкотал он уверенно.

— Нет, — произнесла она в третий раз. — Не изменю.

2 октября, Иоаннесбург

Светлана Никольская

Камера была маленькой, и, хотя небольшое окошко, огороженное снаружи внушительной решеткой, открывалось, Светлане было душно. И страшно.

Нет, здесь не оказалось ни мрачных стен, ни сырости с плесенью, ни останков несчастных узников: светлая теплая комнатуха с узкой койкой, удобствами в углу, крепко сбитым столом, и двумя стульями и мощной железной дверью с гремящими засовами. И ей оставили ее одежду и даже сумочку, предварительно обыскав. Но стены давили, хотелось есть — время было уже сильно послеобеденное, — и плакать; голова уже болела от рыданий, а легче не становилось.

Свету привели сюда с утра, предъявили обвинение, и строгий судья выбрал мерой пресечения арест до конца следствия. Самое поганое, что против девушки свидетельствовали ее же коллеги. Рассказали, как обнималась-целовалась с драконом, как ночевала у него, как возила гостей куда скажут. С одной стороны, она девчонок, кидавших на нее виноватые взгляды, понимала — они тоже были напуганы. С другой — было мерзко, будто ценой ее свободы они покупали свою.

Светлана поднялась, прислонилась горящим лбом к прохладному стеклу. За окном осталась привычная жизнь: там где-то были ее славные родители, ее квартирка, за аренду которой нужно заплатить послезавтра, иначе хозяйка выселит. Хотя, скорее всего, в квартире уже идет обыск, а она посещала-то ее всего несколько раз с момента появления в гостинице красноволосых — поменять вещи, проверить почту.

Где-то там, за окном, далеко на юге был и Четири, который обещал, что вернется. И ей очень хотелось в это верить. И не верилось.

Стекло запотело от ее дыхания, и Света прикоснулась к нему губами, а потом долго рассматривала отпечаток. Самые обычные губы самой обычной девушки. Зачем она ему? Правильно, незачем.

Дверь загрохотала, и в комнату один за другим вошли несколько человек, вежливо здороваясь. Последним зашел смуглый мужчина в возрасте, осмотрел помещение и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Светлана Ивановна, присаживайтесь, пожалуйста, — сказал он с еле заметным мягким акцентом и даже попытался улыбнуться, но у него не получи лось.

Света послушно села на один из тяжелых стульев; смуглолицый расположился напротив, а остальные — на ее койке, так что она постоянно чувствовала их взгляды сбоку.

— Итак, — продолжил главный, — меня зовут Майло Тандаджи, и я веду ваше дело.

— Очень приятно, — пробормотала Светлана, улыбаясь, хотя приятно не было — от этого Тандаджи ее проработала дрожь. Но профессиональная привычка улыбаться и быть вежливой сработала даже сейчас.

— Я очень надеюсь на добровольное и полноценное сотрудничество, — добавил следователь невозмутимо. — В ваших интересах рассказать нам все, что вы знаете о трех мужчинах, с которыми провели последние дни. Похищен член королевской семьи, куда ее могли унести — неизвестно. Цели похитителя неизвестны. Возможно, они известны вам?

Он замолчал, видимо, ожидая, что она начнет рассказ. И она молчала, не зная, что говорить.

— Давайте я вам помогу, — произнес следователь, похоже, поняв, что молчанием ответа не добьешься. — Когда вы познакомились?

— В начале прошлого месяца. Они заселились в нашу гостиницу.

— Они не показались вам странными?

— Немного, но я решила, что они издалека.

— Что показалось странным?

Света наморщила лоб.

— Акцент, произношение слов немного старомодное.

— Как их зовут?

— Я полных имен не знаю, но в базе гостиницы они должны быть.

— Они рассказывали, откуда они?

— Нет, — Света покачала головой под внимательным взглядом Тандаджи, — не рассказывали.

— Они делились своими планами?

— Нет. Я ничего не знала.

Тандаджи хмыкнул, сложил руки замком.

— Вы имели с одним из них интимные отношения, проводили почти все свободное время в их обществе, но при этом ничего не слышали и ничего не знаете?

Света покраснела, прямо запылала вся. Вот тебе и добрый следователь! Недаром ее от него трясет.

— Мы не много разговаривали, — наконец произнесла она. И, усмехнувшись, надеясь, что получилось порочно, как у бывалой, добавила: — Не до разговоров было.

— Понятно, — сухо констатировал следователь. Кивнул одному из сидящих на койке, тот протянул ему какую-то папку.

— Светлана Ивановна, — проговорил смуглолицый, глядя в папку. — Как вы объясните тот факт, что с четвертого дня вашего знакомства вы посещали государственную библиотеку, отдел прессы, и просматривали газеты и журналы, относящиеся к периоду семилетней давности?

Света сжала руки на коленях.

— И при этом делали копии с запрошенных материалов. Например, копию статьи «Таинственное исчезновение темных принцесс»...

Он произнес название статьи нараспев, глядя на нее блестящими черными глазами.

— Ну и что? — голос жалко дрожал. — Мне заплатили за это, я и делала. Откуда я знала, зачем им это нужно?

— Знали, Светлана Ивановна, знали, — невозмутимо покачал головой Тандаджи. — Только зачем-то отказываетесь говорить, помогать нам. Вот скажите мне, вы ведь тоже женщина, неужели вам не жаль похищенную? Быть может, информация, которую вы скрываете, может спасти ей жизнь. А вы покрываете знакомых, которые бросили вас на растерзание спецслужбам. Думаете, они не понимали, что вас будут допрашивать?

— Да не знаю я ничего, — не удержалась, всхлипнула. Стало стыдно. По поводу принцессы она не задумывалась, все мысли были о другом. Пока ее высочество не вернулась, Света и не верила, если честно, что поиски увенчаются успехом. Да и не казалось, что драконы причинят принцессе вред. А по поводу заботы о ней... Светлана прекрасно

понимала, что об этом они думали меньше всего.

— Понятно, — холодно повторил смуглолицый. — Сотрудничать отказываетесь. Марк, ты что-нибудь узнал?

Света повернула голову и увидела, как один из сидевших на койке, молодой человек с круглым лицом, покачал головой.

— На ней ментальный блок. Непрошибаемый. Ничего не считывается, ни воспоминания, ни даже эмоции. Единственное, что могу сказать, — врет. И боится. Так сильно, что даже блок не спасает.

Конечно, она боялась. Кто бы не боялся? И какой на ней может быть блок?

— Вот и наш менталист говорит, что врете, Светлана Николаевна. И кто вам поставил блок? Тоже не знаете?

Она отрицательно покачала головой, уже ненавидя и этот тягучий голос, и пугающий ее прищур.

— Что же нам с вами делать? Не пытаться же, в самом деле?

Он произнес это будто в шутку, но в глазах его девушка видела готовность и пытаться, и ломать, и допрашивать дальше. Заплакала от страха и жалости к себе; еще и желудок заурчал, видимо, окончательно проголодавшись от нервов.

— А сейчас ведь можете все рассказать, и мы вас отпустим, только браслет следящий наденем, чтобы иметь возможность вызвать, если появятся дополнительные вопросы, — добрым-добрым голосом увещевал Тандаджи. Добрым до тошноты. — Поедете домой, к родителям, покушаете, отдохнете. А то ведь придется родителей сюда звать, вдруг они расскажут больше? Камер у нас много, на всех хватит...

Это был точно рассчитанный удар, и он попал в цель. Только не родителей. У папы слабое сердце, у мамы нервы. Стоят ли этого ее драконы? И как дальше жить после того, что она сейчас сделает? Как уважать себя дальше? И что сказать тому, кто обещал вернуться, — если все-таки вернется?

— Не надо родителей, — сказала Света, давясь слезами и чувствуя себя школьницей на ковре у директора. И зачем только красноволосые с ней всем этим поделились? Вот и поиграла в сильную и стойкую, только хуже сделала. — Я все расскажу. Но я и правда не много знаю. Они откуда-то с юга, из пустыни. Говорили, что долго находились в горé, потом проснулись. Ее высочество им нужна для заключения брака с их правителем.

Девушку еще долго допрашивали, по несколько раз задавая одни и те же вопросы, словно проверяя, уточняли детали, просили описать каждый день с утра до ночи, записывали за ней. Потом дали расписаться и действительно отпустили, надев предварительно на ногу плотный тонкий браслет с бирюзовой полосочкой. Этот браслет перемещал носителя к вызывающему, если тот не отзывался на приглашения добровольно. И ей категорически не рекомендовали пытаться его снять, иначе последствия будут очень болезненными.

Из камеры Свету вывели вполне доброжелательно, проводили до ворот и оставили одну. А чего им не быть доброжелательными? Пережевали ее и проглотили, как вафельную.

Чувство было омерзительное, от пережитого страха трясло, а от волнений болела голова. Девушка брела к автобусной остановке и с грустной усмешкой вспоминала, как высокомерно сердилась на девчонок-администраторов, давших против нее показания. А теперь она сама почувствовала на своей шкуре, каково это — предавать тех, кто тебе дорог. И оправдывать себя тем, что мало кто устоял бы против катка по имени Майло Тандаджи, она не

собиралась.

Марина

Я открыла глаза с ощущением, что выбираюсь из какого-то зыбкого колышущегося серого киселя. Все тело болело, как после марафона. Видимо, разряд, полученный от Василинки, сработал как электростимулятор мышц. Простимулировала, так сказать, мне сестренка весь организм. Хотя я сама дурочка — полезла к ней, ничего не зная и не умея.

Как горох посыпались воспоминания, и голова закружилась. Огромный уносящий Ангелину ящер. Черные глаза Василины и клокочущая внутри нее энергия. Почему в нашей семье ничего не может пройти нормально? И где же Вася, почему я ее не чувствую?

Я дернулась, и от икр по телу побежала судорога, выламывая суставы так больно, что я до крови закусил губу. Видимо, сестренка до кучи выжгла мне и необходимые электролиты. Кстати, вот и капельница, а судя по этикетке, капают мне как раз витаминно-минеральный коктейль и глюкозу. Это от истощения. Сколько же я была без сознания?

Я лежала в больничной палате, просто шикарной по сравнению с эконом-вариантом палат на моей работе. И цветы там в комплект не входили. И шоколад. Вот это сервис!

Вкусное и красивое лежало на столике, до которого еще нужно было дотянуться. Да и в туалет хотелось сильно. Пощупала внизу живота рукой — катетеров не наблюдалось.

Я осторожно пошевелила ногой, потом второй. Начала крутить стопами, кистями, головой, разминая мышцы, вдыхать и выдыхать, задействуя диафрагму. Прикрыла капельницу, аккуратно вытащила трубку из закрепленной на тыльной стороне ладони кисти. И наконец села.

Конечно, закружилась голова, но это было нормально. Очень беспокоило то, что я не чувствую Васюту. Не случилось ли чего?

Сходила в заветную кабинку, а вот на душ не решилась. Зато в зеркале обнаружила очередную радость: мои прекрасные волосы до попы то ли обгорели, то ли расплавились и теперь с одной стороны висели прядями чуть ниже плеч, а с другой вились на уровне уха. Да, недолго я походила с гривой. Хотя чего жаловаться? Главное — жива, цела и в рассудке осталась, а ведь могла и умом тронуться от замкнутой на себя энергии.

На пути к выходу из палаты сцапала пару конфет из коробки с шоколадом и машинально отметила, что у цветов нет записки. Красные и фиолетовые с крапинками белых, терпко пахнущих полевых «звездочек». Красиво.

Ладно, надо идти узнавать, сколько прошло времени и где Василинка. И что с Ани. Ее я тоже не чувствовала, и это начинало меня беспокоить. Надеюсь, я не проспала много лет, как героиня популярного недавно фильма.

«Не думай всякие глупости».

«Ну хоть что-то на месте».

Накинула висевший на крючке возле выхода халат, сунула ноги в тапочки и пошаркала по коридору. По всей его длине стояли охранники, а навстречу уже бежала взволнованная медицинская сестра, причитая, что мне нельзя вставать и необходимо срочно возвращаться в палату, а она вызовет врача и виталиста на осмотр. Она была права, но вернуться и спокойно лежать, не получив ответы на вопросы, я просто не могла.

— Сколько я была без сознания? — спросила я, как только женщина выговорилась. Голова ощутимо кружилась и слегка подташнивало, поэтому пришлось опереться о медсестру и шаркать обратно.

— Почти четыре дня, Марина Михайловна, — ответила она, укоризненно глядя на меня. Стало немного стыдно перед коллегой. Сама не переносила излишне резвых пациентов, думающих, что раз операция уже прошла, то все хорошо и можно не соблюдать режим — отчего случались расхождения швов, кровоизлияния и прочие неприятные вещи.

Четыре дня — не так плохо; надо же, как быстро справился организм.

— А что с моей сестрой? Что с Василиной? Она жива?

Мало ли что? Последний раз, когда я ее видела, Васю так корежило, что я не могла не беспокоиться. И я не чувствовала ее и других сестренек тоже. Все-таки не чувствовала, и это было очень непривычно. Будто я оглохла или потеряла чувствительность рук.

— Ее величество в палате в конце коридора, жива-жива, — успокаивала меня медсестра, открывая дверь в палату. Ну слава богам.

— Я хочу ее увидеть, — заупрямилась я, чувствуя себя тем самым неутомленным пациентом. — С ней что-то серьезное?

— Вот пройдет осмотр, и я отвезу вас к ней, — медсестра помогла снять халат, уложила меня на койку. — Вы только, пожалуйста, ваше высочество, сами больше не выходите. Если что-то нужно — вот кнопка вызова, я в течение минуты приду.

Да уж, в нашей больнице кнопок точно не было.

— После осмотра мы вас накормим, если доктор разрешит. И, если захотите, я помогу принять душ.

— Захочу, — пробормотала я, смиряясь с доводами разума. — Но потом — к сестре.

— Хорошо-хорошо, — медсестра снова воткнула трубку капельницы в катетер, подкрутила, чтобы капало интенсивнее, и ушла.

Доктор и сопровождающий его виталист появились буквально через пять минут, провели осмотр. Заключение, что я в норме, просто истощена и немного обезвожена. Даже обещали, что выпишут домой, если завтра с утра все по-прежнему будет в норме.

Легкий бульончик с овощами, подсушенный хлеб, какой-то витаминный коктейль — и я почувствовала себя человеком. Захотелось спать, будто четырех суток было недостаточно, но я упрямо вызвала медсестру, чтобы принять обещанный душ и переодеться в чистое. И наконец меня на коляске торжественно повезли по коридору в сопровождении молчаливой охраны.

Из-за дверей Василининой палаты раздавался ее голос, непривычно резкий и строгий. Охранник постучался, подождал немного, заглянул внутрь и сообщил:

— К вам принцесса Марина Михайловна, ваше величество. Можно?

— Конечно! — раздался радостный голос Васюты. — Я уже жду не дождусь, когда она до меня добредет.

Меня завезли в палату и, поклонившись, вышли. Сестричка, бледненькая и серенькая, радостно и виновато улыбалась мне, полусидя-полулежа на сложенной койке. Тоже с капельницей, но с аккуратно убранными волосами, не в больничной одежде, а в чем-то удобно-официальном. И самое главное — со своими допереворотными кудряшками и со своим пусть повзрослевшим и чуть пополневшим, но невероятно красивым лицом. Я уже и забыла, какая она миленькая, тоненькая и мягкая на самом деле. Рядом с ней в детской кроватке лежала Мартинка и, несмотря на отсутствие тишины, сладко спала.

Я повернула голову и поняла, почему сестра выглядит так официально: в закутке напротив кровати вежливо стояли поднявшиеся с моим появлением премьер-министр Минкен и начальник разведслужбы Тандаджи.

— Приветствую, господа, — я подкатилась к сестре и наклонилась к ней, обнимая. Ну и пусть нарушение этикета; зато она цела, улыбается даже. — Я так рада, что все в порядке, Васюш. Расскажи, что произошло, пока я отдыхала.

— Не все в порядке, к сожалению, — она заглянула мне в глаза, отстранилась. — Мы с лордом Минкеном и подполковником Тандаджи как раз обсуждаем поиски Ангелины. Пока не нашли. Вы можете быть свободны, господа, — обратилась она к мужчинам. — Майло, жду вас завтра с отчетом. Премьер, пожалуйста, подготовьте мне доклад о восстановлении разрушенных городов и адресной помощи. Спасибо вам за то, что так активно работаете и стараетесь ввести меня в курс дела.

— Как может быть иначе, ваше величество? — галантно ответил Минкен, и они распрощались.

Мы долго сидели рядом, пили ужасающе сладкий чай, и Василинка рассказывала обо всем, что случилось с того момента, как на нее опустилась корона. Я слушала и тихонько обалдевала. Моя домашняя сестричка в роли обольстительной сирены; Мариан, защищавший ее от толпы мужиков; монархи соседних стран, помогавшие ей прийти в себя. Камень, оказавшийся кровопийцей, и восстановленная Стена. Безрезультатные пока поиски Ангелины и разумные драконы-оборотни, укравшие сестру, — а мы и понятия не имели, что они существуют.

Проснулась Мартина, и вызванная няня принесла смесь в бутылочке, уложила племяшку на руки сестре, и та стала ее кормить.

— Из-за большой кровопотери мне пока нельзя кормить грудью, да и молоко особо не приходит, — Васюша с грустью смотрела на малышку. — Она сначала отказывалась брать соску, а теперь не оторвать. А ведь мальчишек я выкормила сама.

— А где они сейчас? — полюбопытствовала я, переваривая ее рассказ. Я была права, нормально у нас ничего пройти не может.

— Во дворце, с Марианом, — отозвалась сестра, глядя дочку по маленькой ручке. — Он как с ума сошел на почве безопасности, перестраивает систему охраны дворца. Злится, что не смог уберечь Ангелину. Приходит — взгляд страшный; не говорит, конечно, но все равно видно, что самоедством занимается. А что он мог сделать, кто вообще мог такое предугадать? Хочу предложить ему должность начальника охраны, когда успокоится немного. Все равно нам всем придется находить себя в новых обстоятельствах...

И так печально это прозвучало, так тоскливо.

— Что, трудно, сестренка?

— Не то слово, — пожаловалась она. — Только очнулась, и пошли потоком. Министры, парламентарии, губернаторы, генералы. Всем что-то нужно, голова пухнет. Два секретаря, а толку? С отцом всего дважды получилось созвониться, у них все в порядке, скоро приедут. Думала Каролинку оставить вне дворцовой жизни — так все в Орешнике уже знают, кто есть кто, учиться нормально не получается. Хорошо, что Полли и Алина пока не раскрыты, хотя это дело времени. В университетах они под фамилией Богуславские, а сложить два и два нетрудно. Полинка вот-вот должна вернуться, а с Алиной отец говорил, у нее все в порядке, учится.

Бедная сестренка.

«А ведь ты хотела быть на ее месте».

«Упаси боги от такой радости».

— Не понимаю, как с этим справлялась Ани, — Василина положила малявку на плечо, тихонько хлопнула ее по спинке. Детка смешно икнула, засопела. — Никогда не думала, что мне суждено будет занять ее место. Какая-то глупая шутка свыше. Я только надеюсь, что мы ее найдем, и я смогу вернуть ей корону.

— Ты же знаешь, что не получится, Вась, — сказала я серьезно. — Из вас двоих корона выбрала тебя.

— Знаю, — признала она со вздохом. — Но как бы я хотела, чтобы она была здесь! Я с ума сойду, пока разберусь со всем этим. Мариш, я понимаю, что ты еще совсем слабенькая, но, может, когда почувствуешь себя лучше, сможешь поехать с поисковой группой? Я сама только ощущаю, что она где-то на юге, жива, но, хоть убей, никакой конкретики. А у тебя всегда это лучше всех получалось...

— Я бы с радостью, Вась, но со мной что-то после удара случилось. Я вас вообще не чувствую. Никого. Я как очнулась — испугалась, думала, что-то страшное с вами произошло...

— Прости, Мариночка, это все из-за меня. — Теперь я с ужасом увидела в глазах сестры слезы. Она улыбнулась моему испугу, виновато шмыгнула носом. — Вот такая я королева-плакса. Позорище. У меня после родов гормоны играют: то реву, то ругаюсь. Сила еще эта неуправляемая, как разозлюсь — всё вокруг летает, меня уже весь персонал боится. Тут пришли министры за подписями о своем переназначении, а у Мартинки колики, я нервничаю. Сорвалась на них, чуть по стенам не размазала. Бедный Мариан. Как он меня терпит — непонятно. Я уже измотала его своими жалобами.

— Он тебя любит, — сказала я с теплотой и некоторой тоской.

— И за что, скажи? Я себя чудовищем каким-то чувствую. Тебя чуть не убила, зачаровала половину аристократии, муж весь избитый ходит, как и твой Кембритч.

Я пропустила слово «твой».

— Вот его мне вообще не жалко, Вась. Если бы не он, ничего бы этого не произошло. Я бы по-прежнему работала в больнице, Ани — в школе, вы с Марианом спокойно жили бы в поместье, девчонки учились...

— ...А страна катилась бы в пропасть, — строго сказала внезапно успокоившаяся сестра. — Марина, я понимаю, что он поступил с тобой жестоко и подло. И не заставляю любить его или прощать. Вряд ли и я смогу простить его за тебя. Но ведь выбора у нас не было, рано или поздно пришлось бы вернуться. И если бы это случилось поздно, погибло бы еще больше людей.

— Зато у него был выбор, — ответила я упрямо.

— У него и на коронации был выбор, — сестра аккуратно положила снова задремавшую дочку в кроватку. — Он мог и не помогать Мариану. И тогда, возможно, переломом носа мой медведь бы не отделался.

Ну конечно, за мужа она готова простить кого угодно. Жаль, что я не такая добрая.

«Ты предвзята и знаешь об этом. Тебе просто не за что будет держаться, если ты перестанешь на него злиться».

— Когда тебя выписывают? — сменила я тему.

— Обещают завтра. Тебя тоже?

— Ага, если показатели будут в норме.

— Ты останешься во дворце? Я одна не выдержу, Марин. Хотя бы на месяц, а? Меня обещал Алмаз Григорьевич научить справляться с силой, коллеги зовут к себе с визитами.

Тоже обещают показать, что умеют. Может, и ты со мной, Марин? Тебе тоже нужно поучиться. Ведь пока дети не вырастут, случись что со мной и если Ани не вернется, тебе быть регентом.

Я хотела сказать, что она не одна, что у нее есть муж, семья, что приедет отец с Каролишей, а мне дурно от мысли, что я еще хоть какое-то время пробуду во дворце. Что обязательно найдут Ангелину, что регент из нее куда лучше, чем я. Что удар, скорее всего, выжиг не только умение чувствовать сестер, но и вообще всю мою силу, и поэтому учиться мне будет нечему. Что с Васей ничего случиться в принципе не может — с таким-то мужем.

Но я была ей нужна и поэтому сказала:

— Конечно, Васют, я буду с тобой столько, сколько потребуется.

Люк Кембритч

Самый паршивый день — день, когда от тебя ничего не зависит. Ты, несмотря на доходчивые угрозы начальства приклеить тебя к койке, если не долечишься, сбегаешь домой. А вслед за тобой приезжают штатные виталисты и врачи, фиксируют тебе ногу и начинают интенсивный курс восстановления. А невозмутимый любимый руководитель говорит, что раз некий Кембритч такой прыткий и так торопится встать в строй, то он ему в этом поможет. Заодно тот получит массу острых ощущений — ведь ему, Тандаджи, для такого ценного сотрудника ничего не жалко.

И плевать, что срациваемая наскоро нога болит, словно из нее демоны тянут все жилы, и кричать не позволяет только нежелание ударить перед коллегами в грязь лицом. Плевать, что повышается температура и иногда случаются некрасивые судороги. Этот способ восстановления и не используется-то почти, потому что крайне дорог, и при этом не каждый его выдержит.

А вот ругаться можно, что ты периодически и делаешь, как капризная старая дама, услаждая слух меняющихся от усталости виталистов, проверяющих состояние многострадальной конечности врачей и собственных слуг затейливыми матерными руладами во время особо пронзительных ощущений. Но это ничего. Главное — через три дня ты будешь как новенький.

Вот только тебе нельзя ни обезболивающих, потому что тормозят процесс регенерации, ни алкоголя — по той же причине, ни животных продуктов по причине токсичности, ни сигарет. Последнее хуже всего, и к бесконечной, круглосуточной, выматывающей боли добавляется еще и никотиновая ломка. От которой каши и овощные супчики не спасают.

Спасался лорд Кембритч постными блинами с вареньем и постными же драниками, которые очень любил и которые ему, «чтобы порадовать бедного мальчика», готовила сострадательная Марья Алексеевна. Заодно она кормила и штатных врачей с виталистами — «вон какие у всех глаза голодные», — поэтому в его спальне и столовой в надежде на очередную порцию амброзии из рук домоправительницы частенько тусовались и те, чья смена уже прошла или еще не наступила. И ладно бы просто тусовались — за это время повариху пытались нагло, прямо при нем сманить. Врач Сергей Терентьевич, на десять лет младше Марьи Алексеевны, сразу после порции оладьев с яблочным припеком предложил ей руку и сердце. А на бурчание Люка ответил, что он о такой женщине всю жизнь мечтал, а он, Люк, своего счастья не видит.

Величественная, внезапно заневестившаяся домоправительница врачу отказала, объяснив это тем, что подопечный без нее совсем пропадет. Но, судя по настрою эскулапа, ее

ждала длительная осада, а Люку нужно было задумываться о поиске новой экономки и новой поварахи, потому что вряд ли кто-то еще сможет совмещать эти две ипостаси.

Надо ли говорить, что на второй день, когда его внезапно решил посетить отец, Люк был, мягко говоря, не в настроении? Почтенный граф с некоторым удивлением осмотрел заседающих в столовой виталистов, приняв их то ли за дружков сына, то ли за хиленькую охрану. Выпил пару бокалов коньяка, ожидая, пока врач закончит осмотр и сын примет его. Кембритч-старший очень тщательно относился к соблюдению этикета и, раз зашел без предупреждения, решил реабилитироваться, дав наследнику хотя бы иллюзию принятия решения.

Через полчаса, когда осмотр закончился и коньяк тоже, он спокойно прошагал в спальню, настроившись на длительный разговор.

Люк таки подтянулся и уселся на подушках, чтобы выглядеть не так беспомощно, хоть и трясло его от небольшого усилия минуты две; он даже успел немного выправить перекошенное лицо. Но папаша все равно разглядывал его с некоторой опаской, словно прикидывая, не отдаст ли наследник концы во время их общения.

— Для начала я хочу похвалить тебя, сын, — как всегда торжественно начал отец, когда с приветствиями было покончено и Кембритч-старший разместился в удобном кресле. — Ты, к моему удивлению, прекрасно зарекомендовал себя во время этого неудачного происшествия.

Под «неудачным происшествием» он, очевидно, подразумевал прошедшую коронацию.

— Ты ответственно подошел к помолвке и, если бы не странная воля богов, сейчас был бы уже принцем-консортом. Я рад, что ты понял всю важность поддержания чести рода и влияния нашей фамилии.

Люку не нужно было ничего отвечать — речь диалога не предполагала, пока не закончится.

— Но, к сожалению, королевой стала эта девочка, вторая Рудлог. Наша партия в смятении: если старшая хоть какую-то толковость показывала и при должном нажиме стала бы для нас приемлема, то младшая пока занята детьми, а муж ее — настоящая проблема.

С такой характеристикой Байдека Люк был вполне согласен, что не мешало ему почувствовать удовлетворение от расстройтва папаши. «Конечно, его вы под себя не подомнете», — подумал он, морщась от очередного приступа боли. Кембритч-старший, видимо, воспринял эту гримасу как поддержку оценки новоиспеченной королевы и ее супруга, поэтому продолжил более вдохновенно:

— Сейчас идут поиски твоей невесты, но, честно говоря, я крайне сомневаюсь, что ее найдут живой. Ты же очень удачно зарекомендовал себя во время этого побоища, догадавшись помочь этому... барону. Всегда знал, что в тебе есть понимание политической перспективы, сын! Теперь нужно только не растерять приобретенный вес и сблизиться с королевской семьей по максимуму!

Несмотря на боль, Люк едва не рассмеялся. Папаша был непробиваем, и в стремлении к власти его вообще ничего не могло смутить.

— Я постараюсь включить тебя в список советников при каком-нибудь министерстве, а ты уж поднапрягись и прочитай пару учебников по экономике или лучше по управлению в сфере сельского хозяйства — министр-аграрий мне давно задолжал услугу. Будешь делать политическую карьеру, сын! И если старшую Рудлог так и не найдут, присмотришь к третьей принцессе. Она немного замкнута и инфантильна, но ты известный дамский угодник,

сможешь раскрутить ее на чувства. Так даже лучше будет: вряд ли ты бы смог управлять старшей, а тут девочка совсем бестолковая, просто подарок для нас.

Этого еще не хватало.

— Э, нет, папенька, — прохрипел Люк, невежливо перебивая развернувшегося мечтами ввысь и вширь лорда Кембритча-старшего. — Договор наш был о женитьбе на будущей королеве. Королева внезапно оказалась уже замужем, так что перед вами я чист и ничего не должен.

— Ты должен фамилии, которую я тебе дал! — загремел спущенный на землю лорд, сурово хмурия брови.

— Я верну долг каким-нибудь другим способом, — раздраженно ответил Люк. — Но не прыгая от одной сестры к другой. Это нелепо и уж точно не прибавит нам веса. Да над нами смеяться будут, отец!

Страх перед насмешками был тем немногим, что могло остановить трясущегося над своей репутацией отца. Тот задумался, пока Люк чуть в обморок не падал от дерганья и судорог в конечности и мечтал, чтобы родитель наконец удалился. Да уж, прав был Тандаджи: остротой ощущений он обеспечен по самое горло.

— Но со старшей-то ты уже помолвлен, — задумчиво сказал лорд-старший. — Если ее найдут, ты же не откажешься от своего слова?

— Если она сама не откажется, я сделаю то, что обещал, — кривясь, ответил Люк.

— Ну, — оживился граф Кембритч, — тогда будем молиться за удачные поиски. Старшая, младшая — мне неважно. Главное — близко к королевской семье. Я рад, что ты понимаешь свою ответственность, сын... — завел он по второму кругу.

Люка спас зашедший врач, который очень вежливо попросил старшего лорда продолжить разговор позже, чтобы он мог провести осмотр. Обычного доктора Кембритч бы проигнорировал, но этот был из королевского лазарета, и существовал риск, что он может пожаловаться королеве. Поэтому граф с достоинством попросился, сказал, что выяснил все, что хотел, и удалился.

— Вы не могли принять его после выздоровления, лорд? — мягко выговаривал Сергей Терентьевич, подавая Люку витаминный коктейль. — Вы же знаете, что нельзя делать перерывы. Полчаса перерыва без виталиста — плюс шесть часов к регенерации. Так бы уже завтрашнюю ночь поспали без боли. А сейчас опять прочувствуете все прелести разогреваемого метаболизма.

— Можно покурить, раз все равно перерыв сделали? — с надеждой спросил Люк, поглядывая на стол с лежащим в нем блоком сигарет.

— Можно, конечно, — добродушно согласился врач, — если готовы к непрекращающейся рвоте после.

Виконт махнул рукой и обессиленно упал обратно на подушки. Вошли виталисты. Удовольствие продолжалось.

* * *

Начальник разведуправления читал донесения агентов и, пока никто не видит, недовольно хмурился. Он не сомневался, что с восшествием новой королевы на трон работы

у его ведомства прибавится, но даже не подозревал насколько.

Премьер-министр Минкен, будучи местоблюстителем трона, в той или иной степени устраивал всех.

Лордов — потому что он был одним из них и они имели возможность его подвинуть. Военных — потому что он правил именем монархии Рудлог. Простых горожан — потому что был в достаточной степени социалистом, чтобы не вызывать раздражения. Купцов и предпринимателей — потому что никогда не забывал о важности поддержки капитала. Непокорный Север — потому что оставил ему автономию и дал его военным подразделениям звание «Северное войско Рудлога» в знак уважения к их стойкости во время переворота. Сытый Юг — потому что не претендовал на их виноградники, пшеничные поля и стада и не душил налогами.

И вот это хрупкое, устраивающее всех равновесие, которое Минкен с упорством создавал шесть с половиной лет, угрожающе дрожало и грозило рассыпаться просто потому, что никто не знал, чего ждать от королевы. Зато все понимали, что, пока есть муж, который встал за нее против всего цвета молодого дворянства, влиять на ее величество Василину Викторовну не получится. Да и ограничены теперь были лорды в методах давления. Кто может гарантированно определить, где проходит грань между простым воздействием во благо родины и умышленным причинением вреда? А уж быть проклятым точно не хотелось никому.

Вот и затаились аристократы как тараканы — до поры до времени, конечно, — используя слабость королевы и ее нахождение в больнице для создания внутренних договоренностей, коалиций и общего обсуждения на тему «Как жить дальше, чтобы королева нам не мешала жить так, как раньше?».

Но кроме принесших клятву вассалов достаточно было и других заинтересованных в сохранении ситуации влиятельных групп. Олигархи и купцы, долгое время удачно спонсировавшие ту или иную партию взамен на не самые выгодные для страны, зато вполне выгодные для торговли законы, конечно. Нет, они не нагтели, но гарантированно оставляли себе в законодательстве лазейки для не очень легальной деятельности.

Таможенные и полицейские органы и их высшие чины, не являющиеся дворянами, но живущие лучше многих дворян. Далекое не все из них, конечно, но те, кто заработал себе состояние на хлебных местечках, и те, кто не был арестован или скинут своими же до сих пор, были очень умны и очень хитры. И имели множество влиятельных покровителей, которые ему, Тандаджи, без весомейших доказательств были не по зубам.

Пригревшиеся на околоминистерских постах советники и консультанты — дети тех самых лордов и купцов, пристроивших отпрысков к щедрой кормушке.

Губернаторы и мэры части городов и регионов, которые исправно платили налоги в казну и не рыпались сильно против центра, но при этом были всемогущими мини-царьками на своих постах.

Бесконечное количество людей, которым находящиеся у власти что-то обещали взамен на определенные услуги и которые это что-то в связи с изменившейся конъюнктурой могли и не получить.

Короче говоря, нормальный муравейник честолубцев и сребролюбцев внутри нормального государства, ничем не отличающийся от любого другого. Кроме, наверное, Йеллоувиня: там с этим строго, чуть что — сразу в тюрьму, ждать казни. Разница между Рудлогом и остальными государствами была в том, что у соседей вся эта система была давно

встроена в вертикаль монархии. В Рудлоге же восстановленная монархия смешивала все карты и рушила выстроенные, наработанные схемы.

И это не могло не привести часть участников упомянутых схем к мысли, что землетрясения теперь уже далеко, да и кто знает, случилась ли бы глобальная катастрофа на самом деле, или это выдумка монархистов, пожелавших вернуть венценосную семью на трон и использовавших естественные стихийные бедствия как предлог для своих действий. А вот мешающая им королева и ее семья — близко, очень близко. И значит, ее можно убрать. И даже нужно убрать, а то время идет, деньги теряются.

Самое паршивое, что Тандаджи, судя по документам, придется проверять чуть ли не каждого своего сотрудника на причастность к зарождающемуся заговору. Потому что все указывало на то, что в ведомстве завелась крыса, а то и сразу парочка. Иначе как объяснить неожиданную готовность отдельных мздоимцев к проверкам, когда проверки эти планировались буквально накануне? Или двух раскрытых агентов, работавших под прикрытием?

Был способ легко и просто вычислить предателей, и в ближайшее время Майло собирался этим заняться. Нужно просто собрать всех сотрудников и загрузить их работой, а потом посмотреть, какая информация куда уйдет. И болящих, и раненых, и отпускников, и даже — тут он поморщился — тех, что со сломанными ногами и дурной головой.

Пролистав документы, Тандаджи недовольно посопел, посмотрел на часы. Через полчаса нужно идти домой, иначе супруга снова устроит вечер показательного молчания, а мама — вечер показательной болтовни, в пику невестке. Иногда он желал, чтобы они поменялись инструментами воздействия.

Но прежде чем уйти, подполковник снял ботинки и носки, скрестил ноги, наклонился, сел и выдохнул. Затем поднял таз, глядя в потолок и высунув до упора язык. Скрутился влево, вправо, перевернулся, встал на голову, подняв вверх сплетенные ноги с оливковыми ухоженными ступнями.

Ежедневные утренние и вечерние комплексы до-тани — оздоровительной духовной и физической практики с его печальной нищей родины — помогали бывшему тидусскому мигранту практически никогда не терять хладнокровия. Они также служили прекрасным стимулом для пищеварения. И поддержания потенции. Иногда после вечерних баталий только это могло заставить жену открыть рот. В хорошем, конечно, смысле.

Жаль, что до-тани никак не могла поспособствовать закрытию рта матушки, но Тандаджи относился к этому со всем терпением человека, уважающего старость давшей ему жизнь женщины.

*За месяц до коронации
1 сентября, Маг Университет*

Алина

Первое сентября выдалось дождливым и ненастным. Алина закуталась в свое пальтишко, взяла рюкзачок с полученными накануне в библиотеке книгами, аккуратно заготовленными ручками, разноцветными маркерами для подчеркивания и кучей толстых тетрадей. Был там и план Магического университета, и список с именами-отчествами преподавателей, которые она не успела выучить наизусть, и расписание занятий, которое она старательно переписала.

Еще салфетки для протирания очков, конечно. И несколько сотен руди, выделенных Мариной на обеды в столовой. Деньги Алина тратить не хотела — навезла из дома закуток, овощей с огорода и консервов, но и оставлять все это богатство в комнате боялась. Народ в общагу заехал самый разнообразный.

Ее поселили в узкой комнатке, куда каким-то чудом поместились четыре кровати и огромный, выдавший, наверное, еще ее прапрадедушку шкаф. На двери висело подзакопченное зеркало, в квадратном холле, куда выходили еще шесть комнат, стояли столы для занятий. В маленьком закутке между двумя холлами находилась кухня с двумя плитами, покрытыми остатками обедов и ужинов нескольких десятков поколений студентов: на рукоятках плит висели сталактиты из жира, обеденные столы были подозрительного зеленовато-черного цвета. Так могла выглядеть только обнаглевшая и разожравшаяся плесень.

Алина не переносила уборку, воспринимая ее как бесполезную трату времени, за которое можно узнать что-то новое, и максимум, на что ее хватало, — протереть пыль в доме и заправить свою кровать, — но это безобразие ее потрясло.

Как и ночные пляски и вопли под гитару вернувшихся с каникул студентов старших курсов.

Кстати, о студентах старших курсов. Часам к трем утра, когда пляски уже закончились, а вопли только-только начали достигать апогея, часть шести- и семикурсников решили возобновить традицию «оцени прелести первокурсниц». Традиция была древнее, чем шкаф в Алининой комнате, и поэтому ничто не могло остановить набравшихся за лето витаминов и тестостероновой силушки пьяных самцов.

Разбудил девчонок гогот и грохот — видимо, кто-то налетел на письменный стол. Затем раздался звук открываемой дверцы холодильника и слова «Так-с, что у нас тут есть на закусочку?». Алина уже намеревалась двигать шкаф к двери, потому что испугалась не меньше, чем ее соседки, когда раздался громкий стук в их дверь, рев «Девки, выходите, мы знакомиться пришли», задергалась ручка, и хлипкий замок, не выдержав, капитулировал перед мужской, подкрепленной портвейном настойчивостью.

Зажегся свет, и три испуганных девушки (четвертая всю жизнь прожила возле аэропорта и поэтому продолжала спать) уставились на пятерых пьянящих парней, оглядывающих их мутными глазами.

— Эд-дуард, — представился первый, протягивая Алине руку. Ее кровать стояла первой

от двери и поэтому оказалась в авангарде. Девушка нащупала очки, натянула их на нос и с сомнением пожала руку.

— Страшилка, — заключил Эдуард обидно, а второй, что стоял сзади, примирительно сказал:

— Да ничо вроде, только подкраситься надо и линзы вставить.

— Обязательно, — пообещала Алина, лихорадочно обдумывая, как вытурить пришедших сюда, как в магазин сладостей, гадов.

— Ребята, шли бы вы отсюда, — сказала вторая ее соседка, Яна. — Мы вообще-то спим.

— Уже не спите, — пьяно захихикал Эдуард, подошел к ней, снова протянул руку и гордо произнес: — Эд-дуард.

— Я и с первого раза разобрала, — невежливо сказала Яна.

— А эт-та красивая, — высказался Эдуард, и остальные согласно закивали. — И эта, — сказал он, показывая на третью хмурящуюся соседку, Наталью. Парни тем временем хозяйничали, как у себя дома: посмотрели в шкаф, расселись на кроватях, в том числе и на кровати спящей Лены, даже не расселись — развалились.

У примостившегося на Алинкиной кровати в руках была гитара, да и он сам был немного трезвее остальных. Видимо, занятые руки не давали набухаться вровень со всеми. Во всяком случае, парень шепотом извинился за свинское поведение друзей и сообщил Алине, что она миленькая, но маленькая совсем. И интереса для них — взрослых — не представляет.

— Чему я несказанно рада, — ответила Алина строго, понимая, что сна сегодня уже не будет.

— Василий, а давай-ка нам серенаду! — крикнул Эдик зычно.

— Идите отсюда, — рявкнула на него Яна, но тот обиженно покачал головой:

— Сначала серенада. А потом поцелуешь — и уйдем!

В дверях показались закутанные в ночнушки и халаты девчонки из других комнат. На их лицах были написаны самые разнообразные чувства: от «достали орать» до «блин, почему они не к нам первыми зашли?». Но расходиться не торопились. Парни замахали руками, приглашая в комнату, и девочки зашли, чинно расселись на стульях, на коленках друг у друга, на столе и даже на полу.

Василий начал на гитаре перебор, ожидая, пока все рассядутся, и, глядя на Алину своими чудными сине-черными глазами, запел тоскливое:

— Я гулял семь лет, менял баб как перчатки,
Но теперь погиб парнишка в жаркой схватке,
Не могу забыть я твоего лица
Единственная моя...
Первокурсница-а-а-а-а-а! Первокурсница-а-а-а!

Парни вдохновенно ревели, влажно и томно глядя на заполнившее комнату стадо единственных и неповторимых. Так ревели, будто не пели эту песню каждый год каждому новому потоку. Кто-то из девчонок отвечал взаимностью, и быть бы этой ночью паре сорванных цветков невинности, если бы в холле не раздались торопливые шаги и в комнату не вошла невероятно красивая и столь же невероятно злая женщина.

— Рудаков, опять ты? Я тебя что, вчера не предупредила? А ну-ка, кобели воющие, все вон на свой этаж! Завтра чтобы были у меня на кафедре, будете мне пробирки полировать!

— Ну профессор Лыськова-а-а-а, — заныли прерванные в брачном полете самцы, вдруг показавшиеся меньше ростом и совсем не такими наглыми.

— Пошли вон, кому сказала! — рявкнула профессор, и парни понурой шеренгой вышли из комнаты. Алина смотрела на профессора Викторию с огромной благодарностью, и ей очень захотелось стать когда-нибудь такой же, как эта женщина, — чтобы ее беспрекословно слушались любые наглецы.

— И не думайте, что я забуду про отработку, олени гончие, — крикнула вслед удаляющимся горе-любовникам госпожа Лыськова. — Кто не придет, зачет не получит!

— Да, профессор, — прозвучали печальные и где-то даже трезвые голоса, а спасительница повернулась к смотрящим на нее девчонкам и скомандовала:

— Всем спать! Завтра пришло коменданта, он установит нормальные замки. И, богов ради, вычистите этот свинарник на кухне наконец!

В результате никто из их комнаты, кроме спокойно проспавшей все на свете Лены, не выспался, и утро для Алины началось с отпаивания себя горячим кофе.

Она заранее вышла к университету, который находился в нескольких минутах ходьбы по широкой аллее от общежития, когда соседки еще собирались и красились, обсуждая ночное происшествие. Косметикой Алина не пользовалась, а обсуждать ей было неинтересно — она только переживала, что если это будет регулярно повторяться, то повлияет на ее успеваемость.

Перед выходом Алина оглядела себя в зеркале. Ничего она не страшилка. Приятное лицо, зеленые глаза за очками, темные волосы, аккуратно заплетенные в косы. Невысокая, пусть не изящная и стройненькая, но с ладной фигуркой. Обычная, скромно, но опрятно одетая девушка, которой в мае исполнилось шестнадцать лет. В школе за ней мальчишки ухаживали, она даже на свидания ходила пару раз — для опыта и получения информации из первых рук. Но с одноклассниками было скучно.

На огромном щите у входа был изображен план университета. На плане учебное заведение выглядело как четырехэтажный бублик, положенный на землю и увенчанный несколькими высокими башнями и надстройками. Внутренние окна «бублика» выходили на огромный круглый стадион, где по периметру занимались физкультурой, а внутри отработывали заклинания и учились справляться с силой.

Здание было очень старым, с обилием лепки и архитектурных излишеств типа колонн, скульптур, портиков, арок, и по стилю напоминало их дворец.

Почувствовав, что мысленно возвращается в прошлое, Алина привычно заставила себя думать о другом, чтобы не дай боги не попасться какому-нибудь менталисту.

Возле универа, несмотря на дождь, уже толпились те студенты, которые не жили в общежитии, а приезжали из города. Они курили, громко что-то обсуждали, смеялись, и Алина, почувствовав робость рядом с большим количеством незнакомых и уверенных в себе людей, проскользнула внутрь, в просторный теплый холл.

Первокурсников вместо первой пары собрали в огромном зале, выглядевшем вполне современно: ряды кресел, сцена с микрофонами, пластиковые окна. Если бы не массивные старые двери, на гладких металлических поверхностях которых снаружи менялись текущие ртутные цифры, показывающие время до начала пары, а с внутренней стороны — до конца, и

не старинная лепка на потолке, который не стали, видимо, зашивать пластиком, можно было бы подумать, что они находятся в конференц-зале какого-нибудь современного делового центра. Во всяком случае, в кино именно так эти конференц-залы и выглядели.

Зал был полупустой; такие же ранние пташки, как она сама, сонно переговаривались, поглядывая на сцену, где мастера проверяли оборудование. Алина из-за плохого зрения всегда садилась на первую парту и сейчас тоже проскользнула на первый ряд, расположив рюкзачок на коленях и достав ручку и блокнот — чтобы записать важную информацию и потом перечитать. Прикрепила на грудь бейджик с именем, курсом и номером группы — в правилах было написано, что без него студенты не имеют права находиться в здании университета.

Ее внимание привлекли светильники под потолком — они гроздьями держались в воздухе, без тросов и проводов, и образовывали сложный рисунок, похожий на вьющуюся спираль. Насколько девушка понимала, это было невозможно без мощного магического источника, но никакого силового поля она не видела, и это было странно.

Мозг сразу же заработал над загадкой, и, пока заполнялся зал и кресла около нее, она перерисовывала расположение светильников, пытаясь понять принцип их работы.

— Здравствуйте.

Алина подняла голову, поправила съехавшие очки и увидела садящуюся рядом с ней профессора Лыськову.

— Здравствуйте, — смущенно пробормотала она. С профессором подошли двое мужчин со знаками отличия и бейджами преподавателей на одежде, и Алинка близоруко разглядывала их, не понимая, что им нужно.

— Это ряд для преподавателей, — пояснила Виктория, правильно поняв вопросительное выражение на ее лице.

Девушка оглянулась и покраснела. И правда, первые два ряда были заполнены преподавателями, а за ними колыхалось море первокурсников. Некоторые, помнящие ее по экзаменам, бросали на Алину любопытные взгляды.

— Извините, — произнесла она, краснея еще больше. — Я сейчас пересяду.

Мужчины, рыжий и черноволосый, всё стояли рядом, хотя места в ряду были, и Алина, пытаясь быстро запихнуть блокнот в рюкзак, выронила его на пол.

— Да сидите, юная леди, — хмыкнул черноволосый, поднимая блокнот. — Никто вас не съест, разве что Макс. Но мы его посадим подальше.

Максом, по всей видимости, был высокий рыжий мужчина с узким скучающим лицом. Он окинул говорящего спокойным взглядом и сел рядом с Викторией Лыськовой.

— Профессор фон Съедентент! — ледяным тоном произнесла Виктория, и Алина мысленно ее поддержала — такая фамильярность при общении со студентами была необычной.

— Да, профессор Лыськова? — невинно ответил черноволосый, разглядывая блокнот. — Милое дитя, — обратился он уже к Алине, — а что это за интригующие завитушки?

— Я перерисовывала расположение светильников, — сказала она после небольшой паузы, в течение которой пыталась побороть смущение. — Я не понимаю принципа, по которому они держатся и светят. Слишком сложный рисунок и никаких источников питания.

— М-м-м-м, — черноволосый задрал голову и задумался, — хорошая задачка. И правда, как?

— Профессор Тротт, вы нам поможете? — Виктория обращалась ко второму магу совсем

не так, как к первому. В ее голосе звучало такое воркующее тепло, будто она говорила с любимым котом.

— Если студентка доживет здесь до четвертого года и осилит курс магмеханики, то сама все узнает, — ответил тот, к кому она обращалась. Алина наклонилась вперед и глянула на него — он просматривал листы, похоже, с цифровыми массивами, хмурился, делал пометки.

— Никогда не любила магмеханику, — сказала Виктория. — Профессор Максимилиан, оторвитесь от результатов своих экспериментов и уделите нам минуту, пожалуйста!

— Они сами себе источники и поглотители, — пробурчал маг, даже не поднимая головы. — Рисунок составлен так, что каждый поддерживает соседний, а магическое поле циркулирует в замкнутом контуре. Рассеиваемость менее процента за год, подзарядка каждые десять-пятнадцать лет. И, кстати, нам это во время учебы объясняли.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Алина, но ее проигнорировали, а черноволосый протянул блокнот и уселся с другой стороны. Было очень неловко и хотелось бежать, но на сцену уже выходил ректор, и она выпрямила спину и осталась сидеть.

— Уважаемые первокурсники, — говорил ректор Свидерский, и его молодой голос резко контрастировал с внешностью старика, — рад приветствовать вас.

Вы прошли экзамены, и из нескольких десятков тысяч поступающих из Рудлога и других стран только у вас обнаружился достаточный дар для обучения здесь. Не прошли и те, кто не обладал необходимыми знаниями — для учебы они не менее важны, чем талант к владению стихиями. Однако отсеб будет продолжаться вплоть до выпускных экзаменов. Вам необходимо полностью посвятить себя учебе, чтобы достойно пройти их. А мы, преподаватели, в этом вам поможем.

Вы поделены на группы, номера которых есть у вас на бейджах, но никакой специализации на первых пяти курсах нет. Все обучаются на магов-универсалов. И только потом, когда вы почувствуете в себе склонность к той или иной связанной с магией профессии, у вас будет два года на специализацию. Но не обольщайтесь — наши выпускники обязаны равно работать со всеми стихиями, знать как боевое, так и бытовое, и производственное, и медицинское применение магии. Часть из вас уйдет в армию — для этого со второго семестра первого курса для всех без исключения работает военная кафедра. В случае войны вы все будете военнообязанными. Поэтому относитесь к посещению занятий на военной кафедре со всей серьезностью. Как и к посещениям остальных занятий. Магия не прощает легкомыслия.

Рядом с Алиной о чем-то весело хмыкнул профессор фон Съедентент, и леди Виктория, повернувшись, снова смерила его ледяным взглядом.

— Я также хочу сообщить два основных правила университета. Во-первых, безопасность превыше всего. Практические занятия, связанные с угрозой для жизни, — только в специально оборудованных щитами кабинетах. Не стоит пытаться освоить заклинания, которые проходят на старших курсах, — ваша задача сейчас набить руку на простейших, базовых формах. И еще. Наш университет очень старый, ему более шестисот лет, в течение которых в этих стенах аккумулировалась магия. Поэтому здесь могут происходить разные... странные происшествия. Не пугайтесь, но при этом не старайтесь сами изучить аномалию, сразу же докладывайте куратору.

Во-вторых, у нас обучаются люди со всех концов страны и из-за рубежа, разных сословий, и под этой крышей я не потерплю расизма или ущемлений по социальному признаку. Нет здесь ни аристократов, ни простых горожан; вы все — студенты, и ваш статус

здесь ничего не значит. Только ваши умения и знания.

К каждой группе прикреплен куратор, который и будет заниматься ответами на те многочисленные вопросы, которые у вас обязательно появятся. Все вопросы, связанные с учебой, решайте через него. Пока у нас много групп, но со временем из-за отсевов их количество уменьшится. Каждый третий человек не сдаст экзамены. Помните об этом, господа студенты, и тяните из ваших преподавателей информацию по максимуму. А сейчас пришло время представить ваших кураторов и лекторов.

Представление было долгим и занудным, и запомнить всех не представлялось возможным. Студенты, сидящие позади, явно начали засыпать — установилась такая тишина, которая бывает только в сонном царстве.

Куратором группы Алины оказалась молодая преподаватель методов увеличения магического потенциала, которая тоже была выпускницей этого заведения.

— И наконец, — произнес Свидерский, — рад сообщить вам, что в этом году с нами будут работать мои именитые приглашенные коллеги. Они очень занятые люди, но любезно согласились выделить несколько часов в неделю на лекции и квалификационные семинары. Рад представить вам ректора Блакорийской высшей магической школы, барона Мартина фон Съедентента, который будет вести у вас основы защиты, а также придворного мага Инляндии, леди Викторию Лыськову, согласившуюся взять на себя предмет «Магия в быту». И профессора, лорда Максимилиана Тротта — он будет вести внекурсовые семинары и лекции по предмету «Математическое моделирование магических форм».

Алинины соседи поднимались один за другим, поворачивались, кивали в зал и садились обратно. Она все никак не могла поверить, что ничуть не величественный и простой черноволосый маг — ректор. Спроси у нее, она бы поставила на холодного и высокомерного Тротта. Но ее никто не спрашивал.

«Все не то, чем кажется», — записала Алина в блокнотик, и не подозревая, насколько она права.

Вечером первого сентября господа маги сидели в кабинете у Свидерского и снова пили — на этот раз натуральное живое блакорийское пиво, притащенное Мартином со своей родины. Алекс цедил напиток мелкими глотками из рюмки, пытаясь растянуть удовольствие: в старческом теле алкоголь действовал быстрее и разрушительнее. Виктория деликатно грызла соленый крендель. Фон Съедентент приговорил уже третью кружку и наполнял четвертую. Максимилиан Тротт под смешливые переглядывания остальных брезгливо протирал спиртовой салфеткой только что вымытый стакан. Недавно он выплеснул уже налитое пиво в раковину, узрев ему одному видимые пятна на стекле.

— Благодаря Макс у тебя теперь вся посуда чистая и стерилизованная, — хохотнул развеселившийся от нескольких десятков глотков «Янтарного блакорийского» Мартин.

— Не вся, — кривясь, процедил Тротт, просматривая стакан на свет на предмет обнаружения затаившихся пятен. Стакан сверкал и искрился, как хрустальный. Не обнаружив искомое, Макс встал и наполнил стакан золотистым пивом. Пена поднялась, но остановилась ровно у края.

— Как всегда, — разочарованно протянула Вики, — у нашего перфекциониста все должно быть идеально.

— Идеально было бы, если бы я был сейчас в лаборатории, — невозмутимо ответил инляндец, усаживаясь обратно в кресло. — А я тут с вами трачу время. Бессмысленно.

— Действительно, — Александр вытянул руки, сцепил их в замок, похрустел длинными

морщинистыми пальцами, — давайте-ка к делу, пока идеальный ученый нас не достал занудством. Мартин, пиво — это хорошо, но не увлекайся, завтра у тебя первая пара.

— Когда мне это мешало? — откликнулся блакориец, примеряясь, хватит ли его на пятый заход. — К делу так к делу. Первокурсники — середнячки, ментальный фон тоже средний. Темных не обнаружил.

— Он может быть еще не проявившимся, — заметила Виктория.

— Понятно, что может. Или он слишком сильный и умеет прятать свою натуру, — сказал Александр. Посмотрел на свою рюмашку с пивом, тяжело вздохнул. — Я тоже ничего не почувствовал. Никакого голода, никаких попыток присосаться.

— Или он слишком слаб, чтобы пойти в открытую питаться при стольких магах, — небрежно обронил Тротт. — А вот посмотреть, приняхаться вполне можно было. Оценить силы присутствующих. Понять, настолько ли ты немощен, как показываешь, Алекс. Кстати, сделай что-нибудь со своим голосом. Пока ты звучишь, как боевой горн, только умственно отсталый демон поверит в твою слабость.

— Связки недостаточно состарились, — несколько смутился ректор МагУниверситета. — Голос гуляет туда-сюда, как у подростка. Постараюсь контролировать и говорить тише.

— А может, и нет никакого демона? — с надеждой спросила Виктория. — Все-таки твоя теория чисто умозрительная.

— Есть. Я поддерживаю связь с легализовавшимися темными. Они чувствуют активность своей стихии. Очень боятся сойти с ума — собственно, поэтому и поделились со мной, несмотря на традиционную закрытость. А когда мы последний раз узнали о всплесках стихии смерти? Во время переворота. Так что здесь он, здесь. И его проявление — лишь вопрос времени.

— Он может прийти в любое другое магическое учебное заведение страны и первично подпитаться там, — сказал Мартин.

— Но только здесь он долгое время может оставаться неопознанным и при этом питаться досыта и блокировать свой фон. В любом заведении меньшего размера он будет заметен, как улитка на сожранных ею виноградных листьях, — возразил Александр Данилович.

— Если он высосет тебя, то тоже станет заметен, но тебя это не спасет, — резко произнес Макс. — Еще раз говорю — зови Григорьевича. Не справимся.

— Да звонил я ему, — досадливо отмахнулся Свидерский. — Нет его дома. К нему на днях практиканты-семикурсники отправляются, из особо отличившихся, а его все нет. Поэтому пока придется самим... Как я понимаю, сегодня никто из нас ничего подозрительного не заметил.

Все замотали головами. Кроме Макса.

— Было кое-что, — произнес он медленно, болтая стакан, будто там было не простое пиво, а солнечный коньяк. — Девчонка на первом ряду. Обычно студентов вперед силой не затащишь, а тут такое рвение.

— Эта милашка с косичками? В очках? — хмыкнул фон Съедентент. — Малыш, не дури. Нельзя быть таким женоненавистником. Дитя прелестно смущалось и краснело. И ничего темного в ней не было.

— А ты думаешь, демон явился бы перед тобой, не спрятав эманации? — съязвил Тротт. — Естественно, он должен выглядеть максимально невинно. Вы говорите — ничего

подозрительного не произошло. Но девица сидела прямо напротив стоящего за кафедрой Саши и чуть ли не сканировала его.

— Она в очках, видит плохо, поэтому, наверное, и села на первый ряд, — не очень уверенно протянула Виктория. Видимо, тоже вспоминала девочку.

— Возможно, — парировал неумолимый Макс. — А возможно, она оценивала обстановку и принималась к основному блюду.

— О какой девушке речь? — спросил Свидерский. Он тоже сейчас видел не очень хорошо.

— Ее зовут Алина Богуславская, — Макс встал и пошел мыть опустевший стакан. — На бейдже было написано.

— Все-то ты замечаешь, — Виктория следила за ним блестящими глазами.

— Богуславская? — Александр Данилович нахмурил лоб, вспоминая. — Если не ошибаюсь, именно она набрала лучший балл при поступлении — по немагическим предметам. Дара там еле-еле. Но визуально не помню.

— Покажу завтра, — пообещал Мартин. — Прелестная малышка, такие щечки!

— Ты заделался педофилом? Герцогини слишком потрепаны для нашего бравого постельного рыцаря? — голос профессора Лыськовой так и сочился ядом. — Она же тебе в праправнучки годится!

— Упаси боги, Вики, за кого ты меня принимаешь? — даже несколько обиженно ответил Мартин. Обиде немало способствовала изрядная доза алкоголя в крови. — Я не совращаю малявок. В мире полно женщин постарше.

— А я вот ничуть не удивлюсь, — Виктория допила пиво из бокала, протянула его собеседнику. — Вспомни Стефану Томскую. Ей было шестнадцать.

— Да, но мне было семнадцать! — раздраженно ответил барон, наполняя бокал. — И если бы я знал, что ты следующие шестьдесят лет будешь мне об этом напоминать, я бы сбежал от нее прямо через окно общежития.

— Кстати, — вспомнила Вики, — эта девочка тоже живет в общежитии. Я присмотрюсь к ней. Но еще раз скажу, я сидела рядом и ничего темного не почувствовала.

— Никто не почувствовал. Она может быть еще не проявившейся, — напомнил Макс, движением руки создавая Зеркало. — Все, мне пора. Я и так с вами выбился из графика, придется работать после заката. До завтра, коллеги.

— До завтра, — отозвались мужчины, а Виктория проводила уходящего природника тоскливым взглядом.

— Хватит уже сохнуть по нему, Вики, — хмыкнул Мартин. — Зачем тебе этот сухарь, когда есть живой, сексуальный и красивый я?

Свидерский покачал головой. И когда им надоест? Усмехнулся: уже стал бурчать и разговаривать сам с собой, как старый дед.

— Может, я хочу остаться единственной женщиной, с которой тебе не удалось переспать, Мартовский Кот, — обидно отрезала Виктория. — И вообще, не твое дело, по кому я там сохну. За своими бабами следи, а ко мне лезть перестань.

— Если перестану, — Мартин отсалютовал ей кружкой с очередной порцией пива, — ты заскучаешь. И сама начнешь за мной бегать, Вик. Ты и за Максом-то бегаешь, потому что он тебя игнорирует.

Свидерский бросил на друга предупреждающий взгляд. Мартина начало нести.

— Вот уж точно, за тобой бегать я не буду никогда, — бросила Виктория раздраженно и

тоже исчезла в Зеркале.

Мужчины помолчали — барон задумчиво, Алекс укоризненно.

— Знаю, — пьяно пробормотал фон Съедентент, — не прав. Но она непрошибаемая. Совершенно.

— Она всегда такой была, — напомнил Александр другу.

Мартин тряхнул волосами.

— Какого черта я тогда поперся к Стефане?

Свидерский вздохнул: друг дошел до кондиции. Предстоял вечер пьяных, давно выговоренных излиятий. Иногда он думал, что Мартина просто переклинило на Вики именно потому, что она была ему недоступна. По этой же причине Викторию заклинило на Малыше. К нему, Александру, она относилась с легкостью, как к бывшему любовнику, отношения с которым были так давно, что не мешали им оставаться близкими людьми, почти родственниками. А вот остальные искрились, и каждая встреча грозила обернуться ссорой. И, видят боги, частенько ему хотелось, чтобы они наконец-то все между собой переспали и перестали вносить в их компанию бодрящий привкус то ли любовной трагедии, то ли слишком долго длящейся мыльной оперы.

Первые числа октября, королевский дворец

Василина

— ...И поэтому я считаю целесообразным отдать часть урожая зерновых на экспорт...

Василина мысленно прокляла и медленно разжевывающего доклад министра, и свое решение участвовать в подобных заседаниях правительства, чтобы поскорее разобраться в делах государственных. Она очень старалась, но вникнуть не получалось. Почти ни во что. Поэтому просто сидела и слушала, надеясь, что со временем и увеличением количества информации на нее снизойдет озарение, и она станет все понимать. Самое неприятное, что и премьер Минкен, и министры, и их замы с помощниками сидели с такими лицами, словно всё понимали. Королева тоже делала лицо, но от комментариев воздерживалась. И казалось ей, будто все знают, что она плавает в элементарных вопросах.

С момента выписки прошла неделя, за которую Василина успела понять, что ей катастрофически не хватает экономического образования, которое успела получить Ангелина. Два курса на факультете социологии дали ей возможность воспринимать отдельные понятия, неплохо ориентироваться в статистических методах — из тех, что она смогла вспомнить, — и, собственно, всё. И пусть Ярослав Михайлович Минкен заверял ее, что незачем мучить себя хозяйственными вопросами. Ангелина бы даже не подумала отказаться от участия в управлении страной. И она не откажется. Но нужно учиться.

И она училась, как могла, читая учебники по экономике и сельскому хозяйству, выделив себе час с утра на самообучение. После — заседания правительства или работа над законами, подзаконными актами, нормами, договорами и прочими бумагами, которые настойчиво ждали ее в аккуратных подшитых помощниками папочках. «Работа» пока заключалась в просмотривании документов и сопроводительных записок от премьера и их визировании. Оценить эффективность или полезность своей работы Василина не могла.

Затем — поздний обед с семьей, обязательный и необходимый. По первости она могла пропустить его, но Мариан вытаскивал ее из кабинета, проходя через напряженно замолкающие ряды ждущих посещения сановников, объявляя о конце приема и буквально заставляя королеву отрываться от дел. У нее самой совести не хватало уйти, когда ее ждут. А за спиной сурового мужа можно и сбежать.

Обеды словно возвращали Василину к их жизни в поместье. Мальчишки болтали о том, чему научились за день, она прижимала к себе Мартинку, сосущую молоко из бутылочки — дочка так и не взяла после королевской госпитализации грудь, — и слушала рассказ мужа об установленных им изменениях, общалась с отцом и сестрами. В этот маленький мирок они не пускали никого, даже выписанную с пенсии старую няню, которая растила еще Алину с Каролиной. Это было время, когда они подзаряжались друг от друга, чтобы идти работать дальше.

После обеда снова были встречи — с купцами, с представителями профсоюзов, с губернаторами, с послами других государств, с магами и духовными лицами. Почти всем что-то было нужно, и опять заполнялись папочки — замечаниями, предложениями, просьбами, отчетами.

«Ваша корона — благословение богов для страны и для вас, ваше величество», — сказал

Василине его священство при встрече, во время которой он просил выделить землю под монастырь в области, где могли бы размещаться и паломники, приезжающие в главный храм страны. Проект закона одобрила еще ее мать, но принять его не успели.

Обещая рассмотреть этот вопрос как можно быстрее, королева думала о том, что для страны это, может, и благословение, а вот для нее пока — наказание неизвестно за какие грехи.

А после встреч Василина шла тренироваться управлять нежданно-негаданно свалившейся на нее силой. Алмаз Григорьевич обещал научить азам за пару недель.

Заполнялся дворцовый штат, и на второй этаж каждый день въезжали придворные чины, их жены и дети. Василина уже и забыла, сколько народу нужно для обслуживания одной королевской семьи. Королевский камергер, отвечавший за наем прислуги, в чьем ведении также находились аудиенции у королевы. Королевский интендант, а попросту завхоз, управляющий ремонтом-меблировкой, и королевский садовник, отвечающий за парковое хозяйство. Королевский ясельничий — ответственный за конюшни и лошадей, а также организуемый выезды. Егермейстер — главный по охоте, и плевать, что охотиться королева не любила. Королевский финансист, управляющий финансами королевской семьи и выделенными на дворец средствами из казны. Церемониймейстер. Придворный маг. Лейб-медик. И многие-многие другие. И у каждого — помощники из младших придворных чинов. И каждый получал жалование, ежемесячно опустошая бюджет Рудлога на кругленькую сумму.

Отдельным списком шли придворные дамы. Увы, жены и дочери придворных чинов традиционно составляли женский двор и по идее должны были прислуживать королеве, но ей вполне хватало горничной. Относительно полезными были статс-дамы, которые заведовали развлечением гостей и вообще светской жизнью дворца. Остальные создавали живописную, интригующую и сплетничающую массовку. И Василину эта массовка периодически отвлекала — по этикету она обязана была уделять дамам и кавалерам часть своего внимания, которое с бóльшей радостью она бы оставила семье и детям.

А вот ужин и время после него полностью принадлежали семье. Конечно, впереди были и вечерние приемы, и балы, но пока Василина наслаждалась покоем, прогуливаясь с детьми по парку или играя с ними в детской. Конечно, и тут было не избежать вездесущего двора — парк мгновенно наводнялся придворными, королевскую семью разглядывали из беседок и окон второго этажа. Но стоило Василине пожаловаться мужу, что неприятно гулять под столькими взглядами, как выходящие в парк комнаты придворных опустели, а охрана выделила в парке личную королевскую зону, куда имели право входить только члены правящей семьи.

— Ты королева и вольна поступать так, как комфортно тебе, — сказал супруг, когда она засомневалась, не обидятся ли при дворе.

И это было прекрасно.

Василина не знала, как вынесла бы все это без Мариана. То, из-за чего она переживала, он, как всегда, решал мгновенно и без сомнений. Пусть иногда чрезмерно резко. Пусть.

И королева как могла благодарила его, тоже уставшего и измотанного, ночами, когда они оставались вдвоем. Впрочем, на любовь сил у них хватало всегда.

Мариан третировал охрану, ввел систему пропусков во дворец и на околослужбную территорию, даже учения какие-то планировал организовать по эвакуации семьи. Спелся с Тандаджи и с его помощью проверял всех, кто становился вхож в резиденцию Рудлогов,

несмотря на то что большинство высших чинов имели титулы и принесли клятву вассалитета. Дворцовый народ стоически выносил военные порядки и жаловаться не смел. Но между собой, конечно, шептались, и обсуждали, и ругались, но терпели. А кто бы посмел что-то сказать против принца-консорта?

Для него во дворце было слишком много людей. И само пространство было слишком большим — он не всегда мог быть уверен, что Василина и дети находятся в абсолютной безопасности. Мариан пытался предусмотреть все возможные варианты, но статус супруги предполагал тесное общение с народом. А среди народа этого всегда мог оказаться убийца. И барон методично, ступень за ступенью выстраивал линии обороны вокруг любимой, стараясь не показывать ей своего беспокойства и не посвящать в истинные масштабы его деятельности. Ее величеству хватало волнений и помимо этого.

Но желание схватить в охапку жену и детей, послать весь дворец и всю эту опасную суету к демонам и уехать в безопасное поместье периодически накатывало. Особенно по утрам, когда он после завтрака делал обход позиций и останавливался в зале телепорта, где когда-то произошла трагедия.

Первый выезд супруги состоялся через несколько дней после выписки — королева изъявила желание навестить раненых, которые оставались после землетрясения в госпиталях столицы. Это было верно и по политическим, и по человеческим соображениям, но Байдек предпочел бы, чтобы королеву посчитали бездушной и черствой, нежели чтобы она подвергала себя риску.

Конечно, он ничего не сказал и не стал протестовать. Но за два дня до поездки выписал военных магов с Севера, из своей части — мастеров щитов. Они прикрывали Василину от метательного и стрелкового оружия, а также от боевых заклинаний. Конечно, от кого-то действительно мощного они бы не уберегли, но задержать смогли бы.

На крышах домов по ходу следования кортежа залегли снайперы, машину взяли бронированную, способную выдержать даже прямое попадание мины. А в самой больнице Мариан держался рядом с королевой, готовый, как и другие телохранители, закрыть ее телом и вывести при малейших признаках нештатной ситуации.

Василина, и не подозревая о работе, проделанной супругом, и его напряженном состоянии, необыкновенно красивая в светлом официальном костюме, с собранными в прическу кудряшками, улыбалась людям, здоровалась с персоналом и пациентами, интересовалась здоровьем, задавала вопросы о нуждах учреждений и перспективах реабилитации и была совершенно безмятежна. И даже, кажется, счастлива. А вот Байдек смог выдохнуть только тогда, когда их автомобиль наконец въехал в подземный гараж, на дворцовую территорию. И в тот момент барон впервые подумал, что, возможно, должность начальника охраны стоило бы занять кому-то другому — тому, кто не зависит так эмоционально от охраняемого объекта и кто был бы более профессионален, чем он сам, и более хладнокровен, потому что эмоции порождают ошибки. Но тогда, возможно, он нервничал бы из-за того, что охрану самого дорогого контролирует другой человек. В любом случае, пока профессионала, которому он бы достаточно доверял, не нашлось, он будет продолжать делать все возможное, чтобы ни одна тварь к его семье приблизиться не могла. Как бы сильна эта тварь ни была.

Марина

— Ваше величество, я, к сожалению, могу помочь вам только теорией, объяснив

запомнившиеся мне в бытность придворным магом при вашем деде принципы действия вашей родовой магии. Я расскажу, что умел ваш дед, как он это делал, но показать не смогу. Практиковаться вам придется самой, потому что я классический маг и не имею к родовой магии Рудлогов отношения, — заявил Алмаз Григорьевич сестре на первом нашем «занятии». — Источник вашего дара, как и у всех потомков богов, — в вашей крови. И искать силу вам нужно именно там, пытаться ощутить отклик крови, почувствовать осязаемую, чистую энергию вокруг себя и внутри себя. Это основа, из которой вы потом сможете лепить то, что захотите.

Я слушала его внимательно, потому что «чистую энергию» уже ощущала в памятный вечер, когда меня раскрыли. Но, увы, могла только слушать и смотреть на упражнения сестры. Вся сила во мне была выжжена дочиста, и это ощущалось как легкий авитаминоз — слабость и недовольство окружающим миром. Хотя последнее мне всегда было свойственно и так.

Василинка, выслушав описание Алмаза Григорьевича, стала пробовать создать щит, а мы с ним благоразумно отступили за ее спину. В прошлый раз вместо щита получилось нечто атакующее, и только по счастливой случайности я не вернулась в лазарет.

— Вы выплескиваете энергию, а строя щиты, надо, наоборот, замыкать ее на себя, ваше величество. Будто вы надуваете воздушный шар, только вместо рта — ваша рука, а шар окружает вас со всех сторон, — поправлял сестру старый маг, а Василина хмурилась и старалась снова.

— Не получается, — сказала она в который раз. — Мне, чтобы получилось, разозлиться надо или расстроиться.

— Это нормально, девонька, тьфу, ваше величество, — раздражающе жизнерадостно сообщил Алмаз Григорьевич. — Стихии у наших студентов тоже сначала на эмоциях откликаются. А у жрецов и духовников — на молитвенное рвение. Сначала пробуйте с эмоциями, потом научитесь вызывать отклик и без них.

Я, слушая его, честно пыталась вспомнить ощущение отклика родовой силы при последнем «всплеске эмоций» и вызвать его в себе. Вдруг сейчас как прорвет блокаду, и снова появятся призрачные плети? Но то ли потому, что воспоминания об отклике силы неизменно сопровождались другими, не самыми приятными, то ли сестренка настолько качественно меня приложила, но кровь моя молчала. Глухо.

— У меня есть шанс восстановиться? — спросила я нашего ворчливого учителя. Мне не столько нужна была способность нападать и защищаться. Я очень хотела, чтобы вернулся мой внутренний компас. Потому что поиски Ани пока не принесли результатов. Группы, прочесывающие южные предгорья Милокардер и границу Песков, продвигались медленно, связь была плохой, и ежедневные отчеты в основном сводились к тому, сколько километров удалось пройти и какую информацию собрать. Информация была скупа. Удалось найти нескольких человек, которые видели, как тройка драконов или больших птиц летела на юг. Но про юг мы и сами знали. Со свидетелями провели ментальную реконструкцию, после нее удалось определить более-менее точное направление полета похитителей. По нему и искали, и оставалось надеяться, что коварные драконы не совершили где-нибудь вне поля видимости поворот и не полетели в другую сторону. Не помогали и спутники — по словам Тандаджи, Пески были сплошным слепым пятном.

— Шанс всегда есть, ваше высочество, — сказал Алмаз Григорьевич твердо, теребя кончик бороды. — Ваш случай не уникален, я видел много студентов, которые переоценили

свои силы или не смогли контролировать поток. Кто-то из них после этого приобретал новые умения, кто-то просто восстанавливался, но были и те, кто терял способности к магии навсегда. Так что ты не горюй, — он забавно путал «вы» и «ты» и в одном предложении мог употребить сразу два обращения, — не горюй, слушай, запоминай, а потом, уверен, пригодится.

— А у тех, у кого восстанавливался дар, как это происходило? — полюбопытствовала я.

— У всех по-разному. У кого-то — в считанные дни, у кого-то — спустя годы. Общей системы я не заметил. Частенько было так, что блокаду срывали сильные эмоции.

Ага, спасибо, мне уже одну блокаду сильные эмоции сорвали. С другой стороны, можно ведь и попробовать, правда?

«Только давай без экстрима, Марина».

«Вот этого обещать не могу».

После семейного ужина я сидела у столика на веранде, куда выходили высокие окна моей спальни, и наблюдала за передвигающимися по нашему парку магами. Чуть правее Василина с мальчишками и Каролинкой играли в мяч, а Мариан, усадив на колени Мартинку, покачивал ее и что-то ей рассказывал. Наверное, детские стишки — во всяком случае, какой-то ритм я там точно улавливала. Отца видно не было. Ему вообще оказалось трудно во дворце, куда труднее, чем мне. Святослав Федорович отказывался посещать официальные мероприятия и в основном встречался со старыми друзьями и занимался с внуками и дочкой. В первый же день после приезда он пошел на могилу матери и пробыл там до вечера.

А вот я так и не смогла заставить себя туда пойти. Потом. Сейчас не могу.

Было уже свежо, хоть октябрь и бил все рекорды теплой погоды, сгущались сумерки, а я, оторвавшись от созерцания семьи и отвернувшись, насколько могла, курила, стараясь не мелькать сигаретой перед младшенькими.

Раньше, будучи девчонкой, я постоянно бегала через высокие окна-двери своей спальни на конюшню, и кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду сидеть тут и дымить сигаретой. Теперь, после коронации, можно было спокойно выходить сюда без охраны. И конечно, после того как Мариан, святой человек, одним мановением руки освободил пространство перед нашим семейным крылом от любопытных глаз.

Ученики Алмаза периодически появлялись при дворе, производя какие-то таинственные манипуляции и пропадая. Появился у нас и придворный маг с очередным непроизносимым блакорийским именем — Зигфрид Кляйншвитцер, который был однокурсником и давним знакомым фон Съедентента. И сейчас, в парке, Съедентент и Кляйншв... придворный маг совершали какие-то странные манипуляции. Они останавливались на одном месте, гладили и трогали ладонями воздух, как мимы (и выглядело это так, что я едва не фыркала, сдерживая смех), потом делали шагов тридцать в сторону дворца и снова занимались ощупыванием воздуха.

Лет пять назад я уже видела подобное, когда парень из нашей компании наелся грибов-галлюциногенов и бегал от воображаемого шкафа, который его все-таки в результате съел, и он сидел внутри, рыдал и щупал воображаемые стенки, умоляя принести топор и разрубить чудовище.

Уже потом я, работая на скорой и частенько выезжая на вызовы к наркоманам и алкоголикам, ставя капельницы, промывая желудки, наблюдая ломки во всей их неприглядной физиологичности, не раз думала, как же меня угораздило вписаться в

компанию, где употребление наркотиков было скорее нормой, алкоголь вообще за зло не считался, а беспорядочный секс возводился в ранг доблести. Так ни к каким выводам я и не пришла. Видимо, этот период был мне для чего-то нужен. Но, честно говоря, я бы предпочла, чтобы этих страниц в моей биографии не было.

Парня мы в конце концов, отсмеявшись и посоветовавшись, спасли с помощью воображаемого топора, но пострадавший обмана не заподозрил и серьезно благодарил нас, чуть ли не кланяясь в ноги.

Так же серьезно выглядели увлеченные своей деятельностью магистры, подходившие все ближе и ближе. Впрочем, один из них был не так уж и увлечен. Во всяком случае, периодически он бросал на меня взгляды и улыбался. Я улыбалась в ответ. Отчего бы и нет, если человек хороший? И симпатичный? И обаятельный?

«Эй, подруга, тебя опять куда-то не туда заносит».

«А может, меня заносит именно туда, куда надо?»

Внутренний голос отвечать не стал, предоставляя мне самой нести ответственность за свои решения.

Племянница на коленях Мариана вдруг расплакалась, и Василина, взяв младшего сына на руки, пошла к мужу. Они попрощались со мной и исчезли в стеклянных дверях своих покоев, уведя с собой и Каролину. А я осталась сидеть, несмотря на сгущающиеся сумерки и поднявшийся свежий ветерок.

Маги, видимо, закончили, остановились метрах в десяти от меня, и я почувствовала мгновенную неловкость, которую тут же стряхнула с себя. Алмаз сказал, нужны эмоции — значит, будут эмоции. А тут, во дворце, всем эмоциям имена — «тоска», «скука» и «раздражение». Только общение с семьей наполняет душу теплом, а возня с детьми — радостью, но этого явно недостаточно для пробуждения дара.

Да и просто хочется уже взрыва, который снова очистит голову и позволит мне продержаться тут еще немного.

Зигфрид (все-таки его имя выговорить немного проще) о чем-то спросил друга, но тот покачал головой, снова глянув на меня, и они, пожав друг другу руки, разошлись. Фон Съедентент направился ко мне, подошел, поклонился.

— Я не слишком наглею, навязывая вам свое общество, принцесса?

— Нет, конечно, — я указала на соседний стул. — Присаживайтесь, барон. Усмирите мое любопытство: чем вы только что занимались?

— Передавал коллеге ключи к щитам и сигналкам, — ответил блакориец, отодвигая кресло и опускаясь в него. — Со стороны смотрится забавно, да?

— Немного, — признала я, пытаясь сдержать улыбку, но получалось плохо.

Он заметил, весело сверкнул глазами.

— Я на первых парах, когда нас учили щиты ставить и передавать, сам ухохатывался над преподавателем. Выглядело так, будто на цирковое представление попал, с фокусниками. Нахотел на трояк по защите, препод был обидчивым. А потом ничего, привык.

— Но веселиться не разучились, судя по всему, — заметила я. Фон Съедентент отрицательно потряс головой, словно говоря: «Кто, я? Да ни за что!»

— Кстати, у вас отличная прическа, ваше высочество. Экстремальная смена имиджа?

Я провела рукой по коротко стриженному затылку и вздохнула.

— Вы разве не видели мои волосы после коронации? Вот это было экстремально. С одной стороны завитушки до уха, с другой — плавленые пряди. К сожалению, теперь какое-

то время придется походить похужей на мальчишку.

Парикмахер честно пыталась оставить максимум женственности, но волосы были пересушены, собирались в колтуны и ломались. Поэтому мы решили стричь коротко, оставив только косую челку и волосы чуть подлиннее на макушке. Теперь, когда я видела свой светлый почти ежик в зеркале, мне страстно хотелось выкрасить пряди и проколоть нос. Но я держалась.

— Вы вовсе не похожи на мальчишку, — заявил маг, осмотрев меня. — Вы выглядите очень изящно. Как молоденькая хулиганка. Извините за дерзость, ваше высочество, — спохватился он.

— Да оставьте, барон. — Я засмеялась — уж очень ненатурально он пытался изобразить раскаяние. — После того как вы меня выкрали из моей гостиной, эти расшаркивания неуместны. Да и приятно поговорить с кем-то, кто не лезет за словом в карман и не носитя со мной, как с хрустальной. Я, кстати, ждала, что вы сообразите подойти. Дело в том, что мне опять нужна помощь, а вы уже посвящены в мои маленькие секретки.

— Вас снова нужно украсть? — серьезно спросил фон Съедентент, и в его глазах на секунду мелькнуло что-то очень мужское.

— Именно, — кивнула я. — Но в этот раз у меня есть официальное оправдание, так что можно это назвать не моим капризом, а медицинской процедурой. Алмаз сказал, что выгорание можно преодолеть сильными эмоциями. А мне очень нужно вернуть хотя бы часть своего дара.

— И... вы ждете от меня, что я вам обеспечу сильные эмоции? — осторожно, словно обдумывая каждое слово, спросил он с некоторым даже удивлением.

«Не смущай его, дурочка, хватит двусмысленностей».

— Если вы не будете против, — ответила я, мысленно показав язык внутреннему голосу. Блакориец задумался, затем весело тряхнул головой, покрутил плечами, снова глянул на меня уже с откровенным интересом. Я не без удовольствия наблюдала за этим представлением.

«Когда это ты успела превратиться в кокетку?»

— Ваш мотоцикл здесь, в Иоаннесбурге? — я решила все-таки притормозить немного. — Вы в прошлый раз обещали мне показать настоящую скорость, барон.

Он улыбнулся, кивнул.

— Вы хотите покататься?

— Я хочу испугаться, — честно сказала я. — Чем сильнее, тем лучше.

Черновоолосый маг засмеялся. Он с каждой минутой явно чувствовал себя все свободнее.

— Это я вам обеспечу, принцесса. И когда?

— Чем скорее, тем лучше, — ответила я ему в тон, глядя в смеющиеся темные глаза.

— Тогда буду у вас часа через два. Под окном, как в тот раз. Только оденьтесь в удобные брюки и ботинки, ваше высочество. И желательно свитер подгорло.

— Обязательно. Вы настоящий кавалер, барон. Единственное — не хотелось бы привлекать внимание охраны. Здесь постоянно дежурят патрули.

— Не переживайте, я отведу глаза. И сигналки не сработают, их же ставил я, — он заговорщически подмигнул мне. — Нам никто не мешает. Но потом не жалуйтесь, принцесса.

— Ни за что, — пообещала я. — Спасибо, барон.

Он исчез в Зеркале, а я еще ощущала на руке прикосновение его губ и оставшееся витать в воздухе приятное чувство игривости. Будто я поиграла с большой лохматой собакой,

которая угадывает твои движения, ловит бросаемые палки, перетягивает с тобой игрушку и прыгает на тебя в попытке лизнуть в нос. А после игры послушно идет в свою конуру.

«И чем ты недовольна?».

«Я абсолютно, полностью, безоговорочно довольна!»

«Ну-ну».

Фон Съедентент тихо поскребся в окно около одиннадцати, и я отложила книгу, выключила ночник в спальне и вышла. Через мгновение мы уже стояли в переулке за площадью Победоносца, и я разглядывала мотоцикл.

Он был длинным, блестящим и хищным, очень пижонистым — с изогнутыми сверкающими зеркалами и мощным рулем, с языками пламени, нарисованными на бортах, с хулиганской надписью «Все равно не догонишь», сопровождаемой изображением неприличного жеста над номером. Однако это не скрывало его мощи. У меня аж руки вспотели — так я захотела поскорее взобраться на него.

— Нереально крут, — выдохнула я, пока довольный моей реакцией владелец этого воплощения скорости протягивал мне плотную узкую куртку, перчатки, наколенники и шлем. Я не стала спрашивать, откуда у него женская куртка. Не пахла чужими духами, и ладно.

Барон тоже был в мотоциклетной форме, надел шлем, и выглядел он тоже нереально круто. Я на мгновение снова почувствовала себя плохой девочкой в плохой компании. И не сказать, что мне это не понравилось.

— Садитесь, — он похлопал рукой по сиденью за своей спиной. — Держитесь крепко. Поехали бояться?

— Поехали, — рассмеялась я, перекидывая ногу через сиденье и крепко обхватывая мужчину за талию.

Заурчал, взревел мотор, и мы полетели в высвеченную огнями столичную ночь.

Скорость, скорость, мелькающие огни домов и фонарей, остающиеся далеко позади машины, мигающие светофоры, блестящая гладь реки и сливающиеся в дымчатую ленту тротуары набережной. Бьющий и ревуший вокруг холодный ветер и теплое тело мужчины, в которого я вжималась. Крутые виражи и прыжки на горбах мостов, невероятный разгон на почти пустой кольцевой, кипящий адреналин и горячее громкое дыхание внутри шлема.

Было очень страшно и очень весело. Стресс и тоска прятались и растворялись в горниле эмоций, и я кричала и улюлюкала от восторга, оглушая себя, но не желая останавливаться.

Время было уже далеко за полночь, когда мотоцикл затормозил у какого-то придорожного кафе, где играла плохая музыка, сидели странные люди, но мы грели руки о стаканы с чаем, и я видела в расширенных от адреналинового возбуждения зрачках Мартина свое отражение.

И это было тоже нереально круто.

— Обязательно нужно повторить, — сказала я на прощание, перед тем как зайти в спальню.

— Обязательно повторим, — согласился он, помахал мне снятыми с рук мотоциклетными перчатками и исчез в Зеркале.

Люк Кембритч

Виконт Кембритч отмокал в ванной и делал это самым сибаритским образом — с

сигаретой в одной руке и стаканом виски в другой. Ванны в его доме были огромными, спускающимися в пол мини-бассейнами, потому что он со своим ростом в обычные просто не помещался.

Точнее, не помещался с комфортом — приходилось сгибать ноги, упираться плечами, а комфорт Люк любил.

Аудиосистема проигрывала альбом инляндской фолк-группы, и виконт, устав от витиеватых напевов и резких звуков народных инструментов, переключил ее на сборник блюзов. С наслаждением затянулся, затушил сигарету, вытянул ноги, ощущая, как массируют издергавшееся от боли тело упругие струи воды. Нога не болела, он отоспался после лечения, похожего больше на экзекуцию, и теперь смывал с себя память о боли.

На миг возникло желание вызвать сюда кого-нибудь из подружек, чтобы уж совсем почувствовать себя живым и здоровым — а что может послужить этому лучше, чем хороший, горячий и несдержанный секс? Он усмехнулся. Последний раз что-то похожее на секс у него было... черт, почти две недели назад. Организм тут же отозвался на воспоминания, и Люк сжал ноги, откинул голову на бортик, закрыл глаза, приводя мысли в порядок. Как мальчишка в период полового созревания, ей-богу.

Протянул руку и повернул кран до упора на холодную воду. Да, женщина ему сейчас точно не помешает, раз он даже после болевой терапии возбуждается при одной только мысли о последнем задании. Одно тело должно вылечить память о другом. А если не получится, то пусть это будет много-много тел и много жарких ночей. Если женщина недоступна, то нужно просто забыть о ней. Может, и правда позвонить кому-то из девочек?

Новенький телефон лежал тут же, на бортике, и искушающе посверкивал гладкой панелью. Люк уже потянулся было к нему, но тут же взял себя в руки. Женщины потом. Сначала дело.

Он быстро оделся: светло-голубая рубашка, темные брюки, кожаная куртка. Сегодня можно было допустить в одежде городскую небрежность, потому что Тандаджи вызвал его на встречу в тайный штаб. Может, и правда решил привлечь к поискам невесты? В любом случае ждать пунктуальный начальник не любит, а он не любит опаздывать, поэтому пора выдвигаться.

Но несмотря на спешку, Кембритч все-таки остановил свой блестящий спортивный автомобиль у цветочного магазина и провел там не менее пятнадцати минут, пока цветочница составляла букет по его пожеланиям и оформляла доставку.

Тайный штаб был организован в обычном сельском хуторе в области, и содержала его бодрая старушка-вдовушка, а по факту заслуженный работник спецслужб Дорофея Ивановна. Старушка для прикрытия торговала сметанкой и молочком, за которыми приезжали аж из города, поэтому останавливающиеся у хутора машины внимания соседей давно не привлекали. Это делалось для прикрытия, потому что месячная зарплата у старушки была поболее, чем стоимость ее владений.

Никто и не подозревал, что в подвале у госпожи Латовой, превышающем по площади весь хутор, размещается вполне себе оборудованный штаб с хитрой системой вентиляции, связи, со столом для переговоров, столовой и несколькими спальнями. Допуск имели только избранные, и Люк в числе этих избранных теперь был. Видимо, после того как спас Рудлог, найдя наследниц королевского рода.

Тандаджи сидел за столом и аккуратно, маленькой ложечкой ел плотный деревенский творог, нарезанный ломтями, на котором красовались горки желтоватой сметаны. Все это было щедро засыпано сахарным песком, и выражение лица у начальника было самое медитативное. Перед тем как впустить Люка, Дорофея Ивановна вручила ему поднос с двумя чашками чая и еще одной тарелкой «с творожком» — для него самого, и он, спускаясь по узким ступенькам лестницы и наклоняя голову, чтобы не стукнуться о потолок, чувствовал себя официантом на выходе.

— Ты уволен, — сообщил ему начальник вместо приветствия, и Люк, усевшись на жесткий стул, с удовольствием попробовал чай. На улице было уже довольно прохладно.

— И почему? — поинтересовался он, подцепляя ложечкой сладкую сметану и отправляя ее в рот.

— Потому что после того, как твои планы стать принцем-консортом разрушились, ты очень расстроился. Власть была так близко и — бац, уплыла! — Тандаджи махнул ложечкой, показывая, как именно уплыла гипотетическая власть, и сорвавшаяся тяжелая молочная капля по длинной дуге улетела на пол. — Поругался с начальством при сотрудниках, с отцом при друзьях, остался без дела и без наследства. Благо дядя завещал тебе очень много. Слишком много.

— И-и-и-и? — поторопил его Люк. Он уже понял, что ни о каких поисковых группах речи не идет.

— И пустился в загул, конечно. Благо тебе не привыкать. Алкоголь, наркотики, девочки. А если точнее, то конкретная девочка, твоя давешняя любовница, она же дочь начальника таможенной службы Рудлога. Ты еще с ее братцем приятельствовал. Как ее?

Тандаджи прекрасно знал, «как ее», но любил поиграть в простофилю без памяти.

— Крис, — проворчал Люк, облизывая ложку. Творог правда был вкусный. — Крис Валенская.

— Вот-вот, — кивнул Майло, пытаясь расправиться со своей порцией. — Вспыхнешь любовью, но, главное, кошельком посверкать не забудь. А то с возвращением монархии папеньке кислород перекрыли, воровать стало трудно, и на детей он стал куда меньше выделять.

Начальник разведуправления коротко взглянул на Кембритча, убедился, что тот внимательно слушает, и продолжил:

— Что интересно, они с братом вхожи в один клуб... «Колосс» называется. Аристократов там крайне мало, зато много золотой молодежи из тех щенков и молоденьких сучек, которые успели развратиться еще до того, как им пятнадцать стукнуло. Сыновей и дочерей крупных промышленников, банкиров, магнатов, слишком занятых для того, чтобы выбивать дурь из голов наследничков. Зато пристроили их в помощники к некоторым членам парламента, пользуясь своим влиянием, и периодически передают пожелания для законотворчества. Пожелания, которые нельзя не учитывать. А учитывать теперь тоже трудно, а иногда — из-за вассальной клятвы — и для жизни опасно.

Люк задумчиво помешивал чай. Он прекрасно знал таких «щенков» и сам был таким, пока Тандаджи его не вытащил.

— Кстати, не забудь зайти к штатному врачу, он тебе зашьет нейтрализатор наркоты. И передатчик под кожу. Переносной слишком опасен, а так мы всегда будем знать, где ты.

— Хорошо, — пробурчал Люк, доставая сигарету. Под творожок думалось не так хорошо, как под табачок.

— Ну, тебя, конечно, попытаются вразумить, пристроить во дворец... на какую там должность тебя папая проталкивал?

— Советник при министре сельского хозяйства, — проворчал Люк. Эта часть плана ему активно не нравилась.

— Вот-вот. Не противься долго, чтобы не передумал. Недели полторы, не больше. А к тому времени ты уже снова вольешься в ряды щенят, загуляешь с размахом, с кристальной достоверностью. Ясно?

— Ясно, шеф, — тоскливо вздохнул Люк. — Не староват ли я для вливания в ряды молодежи?

— Для молодежи ты будешь неиссякаемым кошельком, поэтому они тебя примут, даже будь ты дряхлым старикашкой, — невозмутимо успокоил подчиненного господин подполковник. — Не переживай, расходы возместим. Тем более ты для них станешь находкой. Точнее, для кое-кого из их родителей, не желающих терять бизнес и подставляться самим. А вот спившегося и сторчавшегося аристократишку не жаль, как и его род. Деньги есть деньги. Ты им будешь нужен. Потому что по статусу ты ближе всего к королевской семье, а после назначения в министерство сельского хозяйства на одних совещаниях с ее величеством станешь просиживать штаны. Да и герой, как-никак, семья Рудлог тебе доверяет.

Люк попыхивал сигаретой и молчал. В крови уже зарождались предвкушение и азарт от нового опасного задания.

— И еще, Кембритч, — сухо произнес Тандаджи, глядя на оставшийся творожок куда нежнее, чем на подчиненного. — Скорее всего, в этом замешан кто-то из наших, а ставить под угрозу твое задание я не могу. Поэтому сейчас с неделю гуляешь, а потом я тебя с треском и скандалом увольняю. Ты уж постарайся.

— Постараюсь, — пообещал виконт. — Но как это возможно? Все сотрудники Управления подписывали договор.

— Возможно, — невозмутимо откликнулся тидусс. — Например, если ранее был подписан другой договор. Это непроверяемо, увы. Так что придется скандалить.

— Понятно, — произнес Люк. Действительно, все было понятно.

— Среди них есть менталист, — сказал Тандаджи, разобравшись наконец с лакомством.

— Понятно, — повторил виконт снова.

— Если не ты, то никто, Кембритч. Извини.

— Да ладно, шеф. Все нормально. Справлюсь.

— Про нейтрализатор не забудь, — строго сказал Майло. — И будь очень осторожен. Ставки в этот раз очень высоки.

На обратном пути Люк набрал номер Валенской, врубил погромче музыку и, когда ответил женский голос, пьяно хохотнул в трубку:

— Привет, котеночек. Помнишь еще меня?

— Кембритч? — ну конечно же, она его узнала. — Соизволил-таки позвонить? Что, принцесса не дала, вспомнил обо мне?

— Ну не сердись, Кри-и-ис, — он крутил руль и отрешенно наблюдал за дорогой. — Ты же знаешь моего папашу, мне никак не отмазаться было. Приезжай вечером ко мне, а? Повеселимся, как раньше.

— Ты с ума сошел? Думаешь, после стольких лет молчания я рвану к тебе? Ну ты и

ублюдок, Люк. У меня вообще-то жених есть.

— Деточка, — он понизил голос, — ну не сердись. Мне так плохо, я так пьян. Я вот сейчас как вырлуплю в столб, и все из-за тебя, жестокая.

— Ты что, еще и за рулем? Я думала, тебя зашили, прежде чем в принцы выставлять.

— А я расшился, — снова хохотнул он. — Жизнь не удалась, принцем мне не быть, почему бы не вернуться к тебе? Давай, детка, не сердись. Плюнь на своего стариканаженихана, готовься, бери вечером такси и езжай ко мне. Тебя ждут шампанское и изголодавшийся по своей Крис я. И бриллианты. Ты же любишь бриллианты? Я и шикарное фамильное кольцо будем просить у тебя прощения весь вечер и ночь.

— Ублюдок! — проворчала девушка уже не так уверенно.

— Я твой богатый ублюдок, — Люк аккуратно свернул на кольцевую, помигал в благодарность пропустившей его машине. — И скоро буду дома. У меня знаешь, какая ванная теперь? Сам Торжевский делал. Приезжай, милашка. И захвати с собой травы, у твоего братца запасы всегда были нехилые. Жду в девять, потом поеду в бордель. Ты же не отдашь меня какой-нибудь девке? Кри-и-ис?

Он дождался ответа, положил трубку и скривился. Снова потянулся к пачке сигарет. Твою ж мать. Куда он снова лезет? Надо быстро сейчас заехать к врачу, а потом навести дома легкий бардак. Предупредить охрану, чтобы не удивлялись. И отправить домоправительницу в отпуск. Слуг жалко, конечно, но ничего, переживут.

Крис приехала в половине девятого, когда в гостиной и спальне Кембритча уже царил легкий бардак с алкогольным душком, грохотала музыка, часть окон была открыта в темнеющий октябрьский вечер, распакованные бутылки разной степени наполненности украшали столы, подоконники и пол, а тлеющие сигареты создали нужный дымный антураж. Люк капнул в глаза капли, вызывающие покраснение белков, расширение зрачков и небольшой отек, похожий на алкогольный. Долго мял наглаженную рубашку, но слуги работали на совесть, и пришлось удовлетвориться расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными рукавами.

«Фамильное» кольцо было передано любимой конторой с рук на руки, а под лопаткой чесался заживающий шрам с внедренным под него нейтрализатором наркоты. Передатчик-маячок зашили в предплечье. Через несколько дней шрамы рассосутся, и никто не заподозрит, что Кембритча вовсе не торкает с травы или чего пожестче или что о его местонахождении известно в конторе.

Он, оглядев окружающую живописную панораму, как полководец — поле перед сражением, удовлетворенно хмыкнул и уселся в кресло, налил себе виски, опрокинул сразу стакан. Хорошо хоть, что нейтрализатор в основном направлен на опиаты и синтетику и лишь немного приглушает действие алкоголя и табака. Иначе задание можно было бы считать практически тренировкой перед вступлением в ряды монахов.

Услышал стук каблуков в холле и на мгновение собрался, подтянулся, чтобы тут же развалиться в кресле, закинуть ногу на стол, чуть прикрыть глаза и придать лицу расслабленное выражение.

— Госпожа Валенская, — объявил дворецкий, пропуская в дверь гостью и взирая на хозяина квадратными глазами, и Люк, довольно хохотнув, развел руки, словно для объятий, плеснув при этом алкоголем на пол, и немного невнятно крикнул:

— Кри-и-ис! Детка, ты как раз вовремя!

Дворецкий поспешно закрыл дверь, и Люк пообещал себе поднять ему зарплату после того, как все закончится.

— Я еще не решила, прощать ли тебя, Кембритч, — заявила стоящая в дверях Валенская. Она выглядела гораздо менее свежей, чем при их последней встрече, — видимо, образ жизни сказался на ней, — но была по-прежнему ухожена, красива и порочна. Высокая, с пышной в нужных местах фигурой, с аккуратно «сделанным» лицом — крашенные брови, пухлые губы, осветленные длинные волосы, темные глаза со «стрелками».

— Ты еще прекраснее, котенок, чем раньше, — ответил он, зная, как она падка на лесть, схватил со стола бутылку шампанского, откупорил, налил в бокал, почти не пролив. — Иди ко мне, промочи горло.

Валенская раздраженно дернула плечами, словно собираясь уйти, но вместо этого сбросила меховую накидку, оставшись в блестящем коротком платье, уперла руки в бока. О да, Крис всегда любила все блестящее.

— Ты даже не извинился!

— Ну детка, — он пьяненько захихикал, — виноват, вот такой я засранец. Ты же знаешь меня.

Отхлебнул из ее бокала, помахал им в воздухе, поставил на стол.

— Вкусное шампанское, серенитское, то, что ты любишь. Иди сюда. Не заставляй меня просить еще раз. А то рассержусь и уеду.

— Ты даже не позвонил мне ни разу, — пожаловалась она, но подошла, и он тут же облапил ее, дернул к себе на колени, запустил руку под юбку. Крис пискнула и шумно задышала ему в ухо. Она тоже играла — и смущение, и возбуждение. По-настоящему ее глаза зажигали только деньги.

— Теперь я буду звонить тебе к-каждый день! — пообещал он, стаскивая с нее трусики до колен и оглаживая бедра, чуть пощипывая их, как она любила. — А завтра пойдем по магазинам, заглянем в автосалон, я уже присмотрел для тебя подарок. Только будь со мной ласковой, Крис. А я буду очень-очень щедрым.

Девушка потерлась об него пышной грудью, поерзала на коленях, преданно заглянула в глаза. Вот теперь у нее во взгляде было вожделение. Удивительно: семья Валенской сейчас далеко не бедствовала, однако ей все было мало.

Его тело, изголодавшееся по женщинам, начало просыпаться.

— Кстати, — шепнул он ей на ухо, спуская узкие лямки платья с плеч и обнажая грудь, — мое извинение лежит в кармане моих брюк. Когда снимешь их, сможешь на него полюбоваться. А в спальне, если с первого раза не простишь, найдется еще парочка.

Вторая неделя октября, Пески

Ангелина

Тягучая жара, ленивый ветерок, стелющийся по полу и целующий босые ноги, плеск воды в фонтане. Много сладких фруктов, служанки ловят каждое пожелание. Тонкие восточные наряды, которыми забит гардероб, — хоть весь день примеряй. Купальня, в которой тебя готовы отскрести до совершенства. Открытый личный бассейн с прохладной водой и выстеленным белым песком дном, где можно плавать до бесконечности, слушая пение пестрых и ярких птиц, или сидеть на траве рядом, загорая.

Не хочешь на траве — принесут софу с изогнутыми ножками и шелковой обивкой. И если захочешь, занесут обратно в покои прямо на ней. Лучше, чем самый дорогой курорт.

Каждый день к завтраку — неизменные украшения. Теперь это не просто золото. Теперь это произведения искусства, каждое из которых сделало бы честь любой королевской сокровищнице и каждое из которых так и хочется рассмотреть и потрогать.

Только смиришься, принцесса. Только не думай снова убежать.

Она, конечно, думала. И после первого неудачного побега выжидала. Расспрашивала служанок, наблюдала за жизнью дворца, изучала огромный сад, в котором мог бы легко поместиться их Орешник, гуляла по нему, запоминая расположение тропинок и многочисленных ворот.

Бассейн и купальня надоели на третий день, солнце и загар уже не радовали, а служанок она старалась вызывать как можно реже. Дары отправлялись туда же, куда и раньше, — за окно. В куче, когда их было слишком много, они казались тем, чем были по сути, — просто блестящим металлом.

В Ангелине росло тяжелое гневное раздражение. Она уже очень давно не сердилась, все эмоции уходили на заботу о семье. Но сейчас, будучи лишенной какого-либо физического и умственного труда — у этих дикарей даже книг не было, не считать же таковыми полуистлевшие и высушенные старинные фолианты, — запертая в этом роскошном дворце, она не находила выхода своей энергии.

И еще этот... Владыка. Заходил к ней, как к себе домой, то на завтрак, то на обед, усаживался с таким видом, будто имеет на это полное право, щурился на пустое блюдо из-под выброшенных украшений, улыбался, начинал неторопливые разговоры, к которым она не особо прислушивалась. И в конце неизменно повторял свое предложение.

— Стань моей женой, принцесса.

— Нет, — отвечала она ровно, глядя ему в глаза, но сдерживать себя становилось все труднее.

К концу второй недели, проснувшись рано утром, когда снаружи только начало светлеть, Ангелина побродила по покоям, стараясь не разбудить задремавшую в холле служанку и прислушиваясь к себе. Не хотелось вообще ничего. Равнодушие накатывало, как сонное одеяло, и она просто чувствовала, что глупеет от этой неги и этого изобилия и скоро просто превратится в спящее и едящее тело.

Умылась, накинула платье, вылезла в окно — горка золота послужила удобной ступенькой, даже не пришлось прыгать. И пошла в сад, мимо опешивших стражников. Кто-то

двинулся за ней, но Ани не оглядывалась, и следящий тоже держался на почтительном расстоянии.

Принцесса очень долго гуляла по саду, снова изучая тропки и расположение выходов, заглядывая в увитые цветами беседки и прохладные мозаичные павильоны с бассейнами. Часто навстречу попадались патрули — они расступались перед ней с поклонами. Сад был огромным, диким и так же дышал покоем, как и сам дворец, но, во всяком случае, Ангелина могла вымотать себя прогулкой и получить полезную информацию. Здесь она точно задохнется, поэтому нужно искать выход.

Часа через четыре, чувствуя приятную тяжесть в натруженных ногах и изрядно проголодавшись, принцесса нарвала персиков с тонкого дерева, уселась в ближайшей беседке и начала есть, обдумывая план бегства. Но толком подумать ей не дали — минут через пятнадцать снаружи раздались тяжелые шаги и ее уединение было нарушено. Владыка уселся на скамью напротив, замер, присматриваясь к ней. Ангелина снова прислушалась к своим ощущениям: уже который раз казалось, что с приходом дракона вокруг становится свежее и прохладнее, тело словно окунается в бодрящую водичку и жара отступает. Сегодня Ани убедилась, что это ей не казалось. Хозяин Истаила нес с собой спасение от зноя.

— Я хочу посмотреть город, — сказала она невозмутимому Нории, кусая очередной персик.

— Я ждал, пока ты попросишь, — спокойно согласился он. — Почему ты не позавтракала тем, что тебе накрыли?

— Эти персики я собрала сама, они вкуснее, — пожалала принцесса плечами. — И я не прошу, а высказываю желание.

— Конечно, сафаиита, — он с усмешкой наклонил голову, будто кланяясь, и красные волосы качнулись вперед, закрывая лицо. Светлый серебристый ключ мазнул по плечу мужчины. Ангелина и раньше обращала на это украшение внимание, но не стала интересоваться, что это и зачем. Вместо этого спросила:

— Как вы нашли меня тогда?

— По ауре, — легко ответил дракон. — Она видна издалека. Снова собираешься сбежать?

— Собираюсь, — кивнула принцесса и огляделась в поисках того, чем можно вытереть руки и губы. Персики были сочные, сок так и брызгал. Нории понаблюдал за ней, протянул руку, сделал пальцем какое-то неуловимое движение, будто перемешивал чай в стакане, и на столик между ними опустилось несколько белых лепестков тончайшей вышитой ткани.

— Благодарю, — сказала Ангелина с достоинством.

— Ты станешь моей женой, принцесса? — спросил он насмешливо.

— Нет, конечно, — привычно отказала она, вытирая руки. — А вы меня отпустите?

Он покачал головой, наблюдая за ее руками, снова сощурился, как кот на солнышке.

— Можно я коснусь тебя? — спросил вдруг, и Ани даже опешила немного от такого странного вопроса. И ответила резче, чем следует:

— Зачем?

— Погреться, — туманно объяснил Нории.

Она выразительно посмотрела вокруг, на залитый солнцем сад и пышущую жаром землю.

— Это совсем не то, — проговорил дракон, перекатывая на ладони взятый со столика

персик.

Все эти полунамеки и восточная загадочность снова вызвали раздражение, и принцесса встала, пошла к выходу, надеясь, что это не сильно похоже на бегство.

— Вечером, когда жара спадет, я проведу тебя по городу, — сказал Владыка ей в спину.

И, хотя воспитание требовало остановиться, развернуться и сказать «спасибо», она только расправила плечи и пошла дальше.

* * *

Четери летел туда, где раньше был его дом. Он никогда не любил города с их шумом и многолюдностью, хоть и с удовольствием отдавался тем развлечениям, которые они предоставляли.

Давно, за много десятков лет до войны и за много сотен лет до нынешнего момента, он был наставником мастеров клинка, ведущим боевых крыльев, коих насчитывалась почти сотня из четырех тысяч живущих в Песках драконов. Он тренировал воинов человеческого войска, и дня не проходило без боев с клинками. И он был свободен в своем выборе, не служа никому, потому что мастерством с ним не мог сравниться никто из Владык.

А отдыхал Чет дома, там, где он, а не кто-то из хранителей Ключей был хозяином. Где почти у дверей плескалось чистое озеро, цвели персиковые деревья, и дикие дыни были такими сладкими, что заменяли собой любое лакомство. Люди держались подальше, редко обращаясь с просьбами о защите — когда начинали бушевать разбуженные неосторожным пахарем песчаники.

Когда-то в его доме была женщина. У нее были прямые черные волосы, смуглая кожа и темные глаза; она любила воду, дыни и его, Четери. Она состарилась и умерла у него на руках, и он похоронил ее за озером, в тени качающихся кипарисов. У них так и не было детей, и дома его больше ничто не держало.

И он улетел, поступив на службу к Владыке Тафии, Города-на-реке. Домой Мастер с тех пор не возвращался. И никогда не брал в жены человеческих женщин: хоть и любил их безмерно, но всегда помнил об их скоровечности. Однако это не мешало ему наслаждаться их мягкостью, отзывчивостью и страстью.

А свою драконицу Четери так и не встретил.

Нет, он, как и все самцы стаи, летал в брачные полеты и всегда оказывался первым у той, к которой его в тот раз вел инстинкт, и росли у него дети, воспитываемые матерями; но драконы редко скрепляли себя обетами, потому что инстинкт — это одно, а совместная жизнь — совсем другое. Для этого нужно совпадать, как клинок и держащая его рука. Чуть оружие не по руке — и танец боя становится фальшивым, неритмичным, негармоничным. Победить можно и с плохим оружием, но ты всегда будешь искать ему замену.

Наверное, на все их племя было не более трехсот брачных пар из тех, что летали в полет вместе и только вдвоем. Даже дети, достигшие зрелости, не могли ужиться рядом с родителями и улетали — искать свое место.

Драконы по натуре — одиночки, и Четери, который видел нынешнего единственного Владыку еще не вставшим на крыло малышом, было несоизмеримо труднее находиться с соплеменниками в одном пространстве. И только чувство долга и ответственность перед оставшимся драконьим родом удерживали его от того, чтобы воспользоваться правом

старшего и отказаться от службы.

Сегодня он сообщил Нории, что принял решение. Но друг покачал головой и попросил дать ему время. Потому что в Рудлоге их наверняка уже ищут и будут начеку. Нельзя рисковать — Чета могут заманить в ловушку или проследить за ним. А Стена слаба и отнимает у Нории много сил, защищая только Истаил. Пескам нужна вода, а для воды нужен брачный обряд с огненной принцессой.

— Ты не имеешь права просить меня об этом, — сказал Чет, и глаза его были холодными.

— И все-таки прошу, — проговорил Нории, нет, Владыка, — прошу, а не приказываю. Подожди, пока она станет моей, и тогда сможешь слетать за своей девочкой и не опасаться, что из-за этого все усилия пойдут прахом.

— Тогда поторопись, — рыкнул Четери, — а то пока ты ведешь себя так, будто у тебя вечность в запасе! Возьми ее в жены, и дело с концом! Мне ли тебя учить, как заставлять женщин желать и быть покорными?

— Это не та женщина, которая будет покорной, друг, — усмехнулся Владыка-дракон, игнорируя раздражение воина. — Сам знаешь, Рудлоги славятся упрямством, и, если надавить, она станет недоступной навсегда. А без ее согласия обряд передаст мне лишь часть силы, которой не хватит на оживление всех Песков. Дай мне время. Обещаю: если не получится, я сам отпущу тебя.

Четери сжал зубы и, чтобы не поссориться с другом, ближе которого у него никого не было, ушел из дворца.

Он сделал круг над волнами песка, присмотрелся. Точно, тут. Вон небольшая впадина в виде лепестка — это засыпанное песком озеро; вот пригорок, где стоял его дом.

— Раз ты крылатый, то это наше гнездо, — хохотала черноволосая женщина, перекидывая тяжелые косы за спину. И он смеялся вместе с ней. Посмеяться он всегда любил.

Четери поднялся на холм, огляделся.

Песок, сколько же песка.

Развел руки и начал поить землю силой. Его бы не хватило на город, как Нории, даже на десятую часть города. Но освободить от песка и напоить водой пространство размером с большую деревеньку он был вполне в состоянии.

Песок застелился, заволновался под ногами, отползая, барханы шевелились, как живые, сердито шурша миллиардами песчинок, и Чет проваливался все ниже, глядя на уходящие песчаные волны, пока ноги не уткнулись в твердую землю. Теперь были видны и дом, и серые истертые песком стены, и пустые окна, и пустота вместо крыши. Четери не зачаровал его, когда улетал, и поэтому он не сохранился, как города.

Снизу потянуло влагой, под босыми ногами красноволосого воина захлюпало, почва заходила туда-сюда, и вдруг тут и там вода прорвалась высокими фонтанами родников и ручьев, мгновенно напоивших воздух влагой и начавших наполнять чашу озера. Далеко впереди, за озером, тоже били холодные гейзеры, и дракон мимолетно отметил, что сила его, вопреки сну и отсутствию тренировок, возросла: раньше граница песка проходила за кипарисовой рощей, а теперь вода была так далеко, насколько он мог увидеть.

Почва медленно покрывалась зеленью: крохотные травинки прорезались из земляного плена, кололи ноги, росли, раскрывались цветами и соцветьями, вытягивались деревьями и кустарниками, шумели пальмами и кипарисами. Солнце пыталось недовольно пробиться

сквозь пышную зелень и сдавалось, оставляя тенистый островок в покое. Озеро бурлило водоворотами, стремительно заполняясь, и он знал, что уже завтра сюда прилетят птицы, принесут с оазисов на лапках икру и водоросли и через несколько месяцев здесь будет птичий рыбный рай.

Четери лег на траву — нужно было подождать сутки, пока система стабилизируется и сможет оставаться живой и без него.

Только дом не изменился. Но он восстановит свое Гнездо. Ведь теперь снова появилась женщина, которую хочется привести домой.

Назавтра к тенистому оазису вернулись не только птицы. Пришли и люди, пришли за животными, которые потянули их к источнику воды. Сухие, смуглые и черноглазые, очень похожие на соплеменников его умершей женщины, кочевники кланялись красноволосому господину и просили позволения поселиться на том берегу, за рощей, так что он не будет их видеть и слышать. Оказывается, там еще на несколько километров вперед простирались живые зеленые луга и били источники. Да, сила его определенно возросла. Обещали восстановить дом и служить ему, Чету, как он потребует.

Он не хотел видеть рядом никого, не хотел вездесущих человеческих детей, старцев, ничего не боящихся и заходящих выразить почтение. Не хотел, чтобы на его озере, пусть и на дальнем берегу, появились рыбаки, которые обязательно появятся, не хотел бесконечных людских проблем, которые придется решать, слепого почитания и женщин, которые будут приходить, чтобы понести от него.

Но неожиданно для себя согласился.

* * *

После утренней прогулки проснулся аппетит, но Ангелина ополоснулась в купальне и долго плавала, закаляя отвыкшее от движения тело. Семь прошедших лет ей было не до спорта, да и двигалась она в основном от плиты к огороду. Она могла вынести много часов пропалывания грядок, но умение стоять согнувшись не поможет, когда нужно будет идти, не останавливаясь, сотни километров до дома.

Как она обойдется без еды и воды, Ани еще не представляла, но мозг искал решение. И она знала, что обязательно его найдет.

Куда важнее было понять, как спрятать ауру, если это вообще возможно, потому что позволить обнаружить себя второй раз было бы непозволительной роскошью.

И старшая Рудлог думала, пыталась вспомнить хоть что-то из разговоров матери, из своих скудных знаний о магии, и не могла, и двигалась в воде, пока полуденное солнце не начало напекать голову, а мышцы не заныли от непривычной нагрузки.

В принципе, размышляла она, вытирая полотенцем мокрые волосы, ее положение вполне терпимое. Ее кормят, поят, даже к браку принуждают словно понарошку. Будто дракон забавляется ее отказами и уверен, что рано или поздно она согласится.

И эта раздражающая мужская самоуверенность ей только на пользу. Как и убежденность в том, что сбежать ей не удастся, что он все равно найдет ее. Пусть так и думает, пусть еще немного потеряет бдительность и даст ей возможность. И тогда она ею обязательно воспользуется.

Только теперь она соберет всю нужную информацию и будет готова.

И даже если бы не было сестры, которой нужна ее помощь, и младшеньких, и отца, и даже если бы ее в Рудлоге вообще ничего не держало — все равно Ангелина бы и не подумала оставаться здесь. В этой жаркой стране, с ее жестоким солнцем и дрожащим от зноя воздухом, от которого не спасают толком даже стены ее покоев и тень деревьев. Здесь, где нет привычных плодов цивилизации, где время словно шагнуло на века назад и где она будет лишь тенью красноволосого Владыки, пьющего кровь и обращающегося в дракона.

Традиции восточных стран Ани знала очень хорошо и не видела себе в них места. Всю жизнь провести за поеданием персиков, перебиранием золота и возлежанием на диване? Она за прошедшее время-то чуть с ума не сошла, а если пробудет здесь еще дольше — просто взорвется от безделья. Слушаться мужа и терпеливо ждать его на женской половине, деля ее с полусотней девиц? Разве это про нее? Разве кто-то из Рудлогов может кому-то подчиняться?

Конечно, она сбежит. Вернется в свою нормальную страну с нормальным климатом и с нормальными людьми одной с ней культуры. Поможет Васюте и, когда убедится, что сестра прочно держит в узде всех, кого нужно, и уверенно управляет с государственной машиной, найдет себе какое-нибудь дело. Будет свободна и от управления, и от государственных забот, а уж сфер, где она может проявить себя, бесчисленное множество.

Странно: то, что корона выбрала младшую сестру, удивило Ангелину, но не более. Значит, так решили боги, а для нее они выбрали другую судьбу. И принцесса сильно надеялась, что судьба эта — не стать женой красноволосого дракона.

А если вдруг свыше все-таки решили именно так, то она вполне может поспорить. Потому что решения всегда принимала сама. И отвечала за них тоже сама.

В комнате уже накрыли стол, и Ани с удовольствием пообедала, отметив отсутствие привычной чаши с золотом. Неужто до дракона дошло? Служанки тихо вышли за двери, за окном шелестел сад, жарко дрожал воздух, но в покоях было совсем не жарко, а очень комфортно, и принцессу после ранней пробудки и движения потянуло в сон. Гладкие простыни так и манили, легкий и ненавязчивый травяной запах в покоях расслаблял и усыплял, и она, не притронувшись к истекающим медом и ореховым маслом десертам, резко встала и вышла — только чтобы не расслабляться, не поддаваться сонному очарованию этого места.

Надо же проверить, куда она сможет пойти, пока ее не остановят.

Служанки за ней не последовали, и Ангелина прошла по галерее женской половины, посматривая в окна. Хотелось бы, конечно, подняться на второй этаж — дворец располагался на возвышении, и город был бы виден как на ладони. Можно будет отметить какие-то ориентиры, приметные здания. И там проще почувствовать сестер, чтобы правильно выбрать направление побега. В прошлый раз она двигалась наобум — не станешь же припадать к земле на улице, на глазах пусть редких, но наличествующих прохожих.

К сожалению, родных она хорошо ощущала только на близком расстоянии. А вот чтобы «услышать», где они, если она была далеко, приходилось либо забираться на возвышение, либо «слушать» землю. Конечно, фактически Ани ничего не слушала — просто контакт всего тела с землей почему-то лучше помогал определить направление.

Ее размышления прервали женский смех и разговоры, и навстречу из-за поворота выпорхнуло с десятков девушек в цветных легких платьях, как у нее. Остановились, замолчали, настороженно глядя на принцессу.

Она тоже разглядывала их, не спеша начинать межкультурный контакт. К ее удивлению, среди них не было ослепительных красавиц, лица оказались самыми обычными, были даже не очень симпатичные. Стройненькие и пухленькие, высокие и нет. Кто-то постарше, в глазах интерес и проницательность, а кто-то — совсем ребенок, вот как эта немного напуганная малышка. Сколько же ей? Тринадцать? Четырнадцать? Но все одинаково темненькие, с черными глазами и смоляными волосами, и все просто увешаны украшениями.

Молчание затягивалось, но идти назад не хотелось — было бы похоже на отступление, и вперед двигаться возможности не было — не расталкивать же обитательниц гарема локтями.

— Та шеен-шари тен Нории? — заговорила одна из девушек, блестя любопытными глазами.

— Извините, я вас не понимаю, — Ангелина покачала головой.

— Вы невеста Владыки? Нам сказали, вы живете в дальних покоях, — повторила старшая с легким акцентом, но на вполне понятном ей языке.

— Можно сказать и так, — ответила принцесса с улыбкой, не вдаваясь в детали.

Девушки загомонили о чем-то на своем языке, поглядывая на нее.

— Почему на вас нет украшений? Золота? — видимо, старшую выбрали переговорщицей.

— У нас не принято носить так много, — объяснила Ангелина, — только по праздникам.

Снова гомон и любопытные взгляды.

— А правда, что вы из-за Северных гор? Из страны, где много зелени и воды? И есть снег?

Она едва сообразила, что Северные горы — это их рудложские южные Милокардеры. Ну да, для них они северные.

— Правда, — любопытство начало забавлять, да и сама она, как оказывается, соскучилась по живому общению. — Снег у нас выпадает зимой и тает весной. И все люди ходят в теплой одежде и обуви, иначе можно замерзнуть.

Снова гомон-щебет и просительные взгляды.

— Госпожа, — попросила переговорщица, — может, вы зайдете к нам в гости? Нам очень хочется послушать про вашу страну. И вашу одежду.

Десять пар глаз уставились на нее в ожидании, и она не смогла отказать. В конце концов, время пройтись по дворцу у нее еще будет. А у этих... наложниц, которые так не похожи на наложниц, можно будет получить нужную информацию.

— А правда, что у вас есть люди с разным цветом волос и глаз?

— А почему у вас глаза такие же темные, как у нас, и волосы тоже?

— Неужели действительно страной управляла женщина? И мужчины это терпели?

— У нас тоже носят штаны, как у вас!

— А почему вы не накрашены?

— Вам нравится дворец?

— А когда свадьба?

Ангелина уже четыре часа сидела, обложенная подушками, на софе в огромном зале, где разместился на креслах, полу, подоконниках и бортиках фонтана весь полусотенный гарем, и говорила, говорила, говорила, испытывая при этом полное ощущение, что попала обратно в

школу. Принесли лимонад и сладости, и Ани периодически останавливалась, пила, иначе сорвала бы голос.

Девочки были крайне шумны и любопытны, и на ее вопросы, которые она-таки ухитрилась задать, отвечали все вместе, перебивая друг друга, пока Ангелина не попросила отвечать хотя бы по очереди. Странно, но ее послушались.

Тут вообще многое казалось странным. Не было убийственных и ревнивых взглядов друг на друга и на нее, хотя вроде как она по статусу была их соперницей. Младшие слушались старших, и, хотя ссоры вспыхивали то тут, то там, это было не змеиное шипение, а куриное рассерженное кудахтанье, неизбежное в любом женском коллективе. Не было ленивого равнодушия или уныния на лицах — скорее, они действительно вели себя как группа туристов на курорте. Будто на отдых сюда приехали.

Воспользовавшись паузой, принцесса спросила:

— А вам не скучно здесь? Ведь вы заперты на женской половине; я вот уже не знаю, чем заняться.

Девочки замолчали.

— Мы совсем не заперты, — с некоторым удивлением сказала старшая, которую, как Ангелина уже знала, звали Зарой. — Мы можем ходить, куда хотим, кроме покоев тена Нории. Гулять можем ходить в город, если захотим, да каждый день и гуляем. К родным можем в гости зайти, к тем, у кого они в Истаиле живут. Даже погостить, если соскучимся. А здесь, — она помолчала, подбирая слова, — здесь мы хозяйки, сюда из чужих людей никто не зайдет, это наше место. У каждой своя комната, служанка.

— Никто не зайдет, кроме Владыки? — уточнила Ангелина.

— Ну конечно, это же его дом, и он не чужой, — растерянно ответила Зара. — Мужчина имеет право заходить к своим нани-шар.

— И не чужой, и не человек, — пробормотала Ани, сбита с толку такой точкой зрения. — А что значит «тен»? И что такое «нани-шар»?

Девушка замялась.

— Я не знаю, как перевести на ваш язык. Это как жена от народа, но только не навсегда. Старшие дочери уважаемых семейств. Мы можем уйти, если захотим. Но мужчины наших семей будут рады, если мы вернемся беременными от Владыки. Это как... благословение? И тогда к семье приходит еще больший почет.

А тен и значит «Владыка», держатель жизни. Он поит своей силой Истаил и земли вокруг, дает нам воду и прохладу. Когда он вернулся сюда, здесь везде был зной и песок, воды было мало. А благодаря ему город снова живет, и земля больше не страдает от жары.

Ангелина помолчала. Это было немного слишком. Одно дело — движением пальца салфетки творить или даже в дракона перекидываться. И совсем другое — то, что она услышала. И она впервые задумалась о том, какой же силой должен обладать Нории из ветви Вайлертин, чтобы озеленить многие и многие километры пустыни и вызвать с неведомой глубины воду.

И снова пообещала себе вспомнить, откуда ей известно имя этого рода.

В зале царило молчание, гомон куда-то делся. Ангелина оглянулась: в дверях стоял Нории, словно услышавший, что она о нем думала, и с улыбкой смотрел на женщин. Если бы Ани только знала, что буквально полчаса назад ему сообщили: невеста опять пропала, и он уже взлетел в небо, сердясь и пытаясь отыскать ее, с облегчением разглядел ее пламя во дворце и с опаской шел сюда, ожидая чего угодно от непредсказуемой Рудлог. И как отлегло

от сердца, когда он увидел обычные женские посиделки и болтовню и подумал, что, возможно, принцесса гораздо более женщина, чем пытается показать.

— Ангелина, — ей было очень странно слышать свое имя, потому что до этого он никогда его не произносил, — тебя ждут ужин и прогулка.

— Я договарю, — произнесла Ани, снова на его глазах покрываясь коркой льда, — и поужинаю. Подождите меня, если хотите присоединиться.

— Хорошо, — и, словно хозяином здесь был не он, а она, Владыка-дракон развернулся и ушел.

Внутри кольнула иголочка стыда, потому что это была намеренная и недостойная грубость, будто Ангелина хотела указать ему на его место. А Нории, в свою очередь, не позволял по отношению к ней ничего грубого или недостойного. За исключением собственно похищения, конечно.

Девушки смотрели на нее с какой-то смесью ужаса и неодобрения, а Зара сказала:

— Зачем вы так? Он же добрый, хоть и строгий, и побаиваемся мы его иногда. Но никого из нас никогда не обижал. И, — добавила она мечтательно, — как мужчина он выносливый и ласковый.

— Он увез меня от моей семьи, из моей страны, — попыталась, как ребенку, непонятно зачем объяснить Ани, сделав вид, что не услышала последней фразы, хотя именно на ней девушки закивали и разулыбались. — Против моей воли, понимаете? Хочет сделать меня своей женой, а я не хочу.

— А почему? — любопытствовала старшая.

Как объяснить так, чтобы было понятно?

— Он мне чужой, я его не знаю. И я домой хочу. Вы говорите, что можете уйти, когда захотите, а я не могу. А дома — родные, обязательства.

— У ваших женщин слишком много обязательств, — рассудительно проговорила нанишар, до этого жадно слушавшая о положении женщин в их стране, и Ангелина поняла, что некоторые культурные различия не преодолеть за несколько часов общения. Попрощалась, поблагодарила за компанию и медленно пошла к себе. Чтобы никому не показалось, будто она спешила.

Стол был накрыт, и в кресле ее ждал Нории. Спокойно ждал, не высказав ни неудовольствия, ни гнева ее поведением. Видимо, подумалось Ангелине, готов терпеть что угодно, только бы она согласилась. Принцесса в своей прошлой жизни регулярно общалась с особами королевской крови, в истоках родов которых стояли боги. И никто из них не был и не мог бы быть покорной овечкой, потому что божественная энергия создавала совершенно определенный темперамент. Да, они отличались друг от друга, у них были свои сильные и слабые стороны. Но среди них не было покладистых.

Даже самый сдержанный из потомков богов, император Йеллоуиня, который, казалось, годами мог сидеть на троне с одинаково безразлично-улыбчивым выражением лица, по слухам, иногда срывался так, что летели головы, а Небесный дворец, пострадавший от буйства стихии, приходилось отстраивать заново.

Да и зачем далеко ходить: сама Ангелина, несмотря на все самообладание и соблюдение норм этикета, нет-нет да и впадала в приступы фамильного гнева, которые могла погасить только мама. Правда, это было давно. А уж если вспомнить темперамент матушки... дворцовый люд иногда ходил чуть ли не на цыпочках, склоняя голову и разговаривая

исключительно шепотом.

Поэтому не верила Ани в это спокойствие, каким бы убедительным оно ни было. И держалась настороже. Но это не означало, что не нужно признавать свои ошибки. Хотя сделать это иногда труднее, чем прыгнуть с обрыва.

Принцесса под внимательным взглядом зеленых глаз уселась на подушки, выпрямила спину.

— Владыка Валлерудиан, мне жаль, что я была резка с вами.

Она так и не сумела сказать «извините». Но дракон кивнул, взял ее тарелку.

— Что ты будешь?

— Я не хочу есть, — прозвучало опять резко, и она добавила: — Ваш гарем закормил меня сладким. Может, позже.

— Тебе понравилось с ними общаться? — спросил Нории серьезно, поставив тарелку обратно.

— Это было... познавательно, — уклончиво ответила она. — Они много рассказали о ваших обычаях, было очень интересно. Кое-что даже удивило.

— И что же?

Он снова жмурился. Может, у него со зрением проблемы?

— То, что они свободны в передвижениях и могут уйти, когда захотят. В Эмиратах, это южнее Песков, за морем, — он кивнул, показывая, что знает, — женщин сторожат, как сокровища, без разрешения мужа или старшего мужчины в семье они не могут выйти на улицу, обязательно должны покрывать голову и лицо. Им запрещено учиться в школах и работать. Я думала, здесь та же система.

Он чуть улыбнулся, словно подсмеиваясь.

— И что тебя заставило так думать?

А действительно, что?

— У вас похожая архитектура зданий, мозаики, фонтаны в помещениях. Служанки ходят в платках или повязках, слуги вас боятся, — она вспомнила, как переживал слуга за то, что кровь пришлась не по вкусу, и снова почувствовала отвращение. — На улице я женщин не видела, только мужчин. Хотя я могла бы сообразить, ведь владелец сарая спокойно предоставил мне комнату, безо всяких вопросов. Да еще и гарем...

— Архитектура в жарких странах похожа, потому что служит защитой от солнца, — начал объяснять Нории. — Купола и белые стены дают необходимую прохладу, узкие окна не пропускают зной в дом, а фонтаны насыщают сухой воздух влагой.

Логично.

— Служанки ходят в платках и повязках по той же причине, что и горничные с официантками в ваших отелях прячут волосы под такие смешные шапочки. Это ги-ги-е-ни-чно.

Некоторые слова он выговаривал нараспев, словно по слогам.

— Слугам бояться я запретить не могу, но это суеверия. Поверь, я их не бью и не убиваю.

— Я и не думала, — пробормотала Ангелина.

— На улице ты не видела женщин, потому что была ночь, — продолжал объяснять дракон элементарные истины, но она уже поняла, что сделала неверные выводы. — Хотя, если бы ты попала на базар, который не спит в любое время суток, то увидела бы там торговков. Мужья не запрещают работать, если женщина этого хочет. Но большинство не

хотят, мужья их содержат, они воспитывают детей, хозяйничают в доме и вполне счастливы. А что касается гарема... видимо, просто у вас в языке нет более близкого перевода. Это большая ответственность.

Главы родов города посылают ко мне старших дочерей или внучек, и я не могу их не принять, — Нории тоже ничего не ел, видимо, потому что она отказалась. — Иначе это станет оскорблением для них, они будут считать, что чем-то меня прогневили. Мне проще принять и обеспечить им условия, чем убеждать каждого старика, готового довести себя до сердечного приступа, или отца, готовящегося к самоубийству от позора, что это не потому, что я ими недоволен, а потому, что мне не нужно столько женщин при дворце. Это традиция, а перед традицией мы бессильны.

Он сказал «мы», подразумевая «мы, главы государств», и Ангелина наклонила голову, соглашаясь.

— Какая удобная для вас традиция, — сказала тем не менее холодно.

— Удобная, — согласился он, внимательно глядя на нее. — Я не спорю, удобно иметь женщин под рукой. Но у вас в стране есть бордели, я знаю. Неужели ты считаешь, что это лучше?

Ангелина покачала головой, показывая, что нет, не считает.

— Для меня оба эти явления нехороши. И еще: там есть совсем девочки, наверное, лет тринадцати. Неужели они тоже... вы их тоже... — принцесса непривычно для себя запнулась, пытаясь сформулировать это наиболее корректно, но не справилась и замолчала. Но дракон ее понял, поднял брови, усмехнулся:

— Девушки в Песках созревают быстро и в тринадцать лет в кочевых семьях уже, бывает, выходят замуж, но, если тебя это волнует, — нет. Бывает так, что отправляют двоих сестер, старшую и младшую, и вернуть обратно одну, не вернув другую, невозможно. Как-то у меня жили сразу четыре сестры; младшей исполнилось на тот момент десять лет. Это было еще, — он помрачнел, — до войны. Естественно, я их не трогал. У нас считается, что девушка становится взрослой в пятнадцать лет, тогда же входит в возраст невесты.

Да уж, в свои тридцать возраст невесты она переросла в два раза. И все равно, пятнадцать — это слишком рано. Ужас.

Но Ангелина тут же напомнила себе, что обычаи других народов ее учили уважать, ведь традиции ее страны тоже могут кому-то показаться дикими или извращенными. Потянулась за стаканом, и дракон тут же перехватил его, наполнил лимонадом.

— А у вас есть чай? — неожиданно для себя Ани поняла, что ужасно соскучилась по этому напитку.

— Найдем, — пообещал Нории. — На завтрак тебя будет ждать чай.

Земли, к которой пришла вода вокруг города, хватало только на зерно и пастбища. Чай они раньше выращивали в предгорьях Северных гор, но сейчас там, как и везде, царил песок. Но если она хочет — будет ей чай.

За окном серым плащом опустились сумерки, запели ночные птицы, зашуршали летучие мыши, застрекотали цикады. Сад шелестел листвой, и воздух стал наполняться упоительным запахом ночных цветов.

— Готова? — спросил он. — Только возьми с собой плащ, ночью может быть прохладно.

Город светит белыми стенами, пахнет цветами и специями. Они шагают по широким тротуарам, а за окнами домов идет своя, наверняка волнующая и интересная жизнь. Чувство

нереальности окутывает принцессу, и очень остро ощущается, что она за тысячи километров от дома, в другой стране и будто бы в другом мире.

На улицах много людей, они почтительно кланяются Владыке, и он склоняет голову в ответ. Гуляют целыми семьями, с важными отцами, с дедами и бабушками, с озабоченными матерями, следящими за носящимися смуглыми отпрысками. Во дворах, под качающимися деревьями, и на тротуарах выставлены кресла и столики, и старики и мужчины сидят, играют в кости или шахматы, курят кальяны, наполняя воздух сладким запахом фруктового табака, спорят, смеются, наблюдают за ними, что-то тихо обсуждают.

Везде фонтаны, у них брызгается с визгом ребячьи, и Ангелина в очередной раз думает о том, сколько же силы нужно, чтобы напоить этот край.

Проходят мимо храмов богов, которые похожи и одновременно не похожи на святые места Рудлога — шестиугольный или круглый канон отчетливо прослеживается и здесь, но не обходится без очевидного влияния Востока: божественные прародители изображены при помощи мозаики, в нишах горят ароматные палочки, и Черный Жрец находится рядом с остальным пантеоном, а не изгнан в угол.

Принцесса, повинувшись порыву, заходит в храм, и дракон оставляет ее там одну, потому что есть вещи, которые нужно делать в одиночестве.

Они доходят до базара, и Ангелину оглушает шум голосов, льющаяся переливами музыка — то тут, то там музыканты играют на народных инструментах, — запах специй, духов и масел, блеск золота и камней, крики торговцев, просящих зайти именно в их лавку. Нории улыбается, но не отдает предпочтения никому, и она тоже удерживается от того, чтобы посмотреть наряды и белье, шелка, цветные пояса и обувь, покрывала и накидки.

Когда-то она могла много часов проводить в торговых центрах, и сейчас что-то шевелится в ее душе — то, что испытывает каждая женщина перед магазинным изобилием.

Базар остается позади, и они снова шагают вниз по мостовым, к окраинам, мимо фонтанов и цветочных островков, и когда она оглядывается, то видит на возвышении дворец, словно птица парящий над городом.

У окраин деревьев становится больше, а домов меньше; то тут, то там встречаются караван-сарай, во дворах у которых стоят верблюды и лошади. Людей уже меньше, потому что прогулка продолжается больше трех часов, окна начинают гаснуть, а они всё идут, пока не выйдут туда, где домов почти нет, зато горят костры, стоят шатры, блеют животные, режут верблюды, а погонщики звонкими гортанными криками загоняют их к привязям.

— Это стоянка кочевников, — говорит Нории, и Ани чуть ли не вздрагивает от его голоса, потому что в этот вечер он очень молчалив. — Заглянем?

Он подходит к шатру, возле которого прямо на земле сидят люди, что-то говорит им, и они вскакивают, кланяются, приглашая внутрь. Принцессе неудобно, но она заходит и видит настороженные глаза молодой женщины и засыпающих, прижавшихся друг к другу детей, которых не хочется будить, ковры, застилающие пол шатра, сундуки и небогатую утварь. Дракон стоит рядом, пока она осматривается, и Ангелина, чтобы не потревожить деток, берет его за локоть и показывает, что нужно выходить. Не нужно вторгаться в чужую жизнь, даже простые люди должны иметь что-то неприкосновенное.

— Все ли у вас здоровы? — тихо спрашивает у владельца шатра Нории на ее языке, чтобы понимала, и кочевник кивает, гордый вниманием Владыки. Они перебрасываются еще парой фраз и уходят.

Нории поглядывает на спутницу — видно, что она устала, но жаловаться не будет, — и предлагает:

— Хочешь, донесу до дворца?

Она смотрит круглыми глазами и отрицательно качает головой.

В гору ко дворцу идти труднее, чем вниз, и она чуть пыхтит, но не сдаётся, и спина такая же прямая. Упрямая дочь Красного с горячей греющей аурой.

Когда они наконец добираются до дворца, он спрашивает на прощание:

— Выйдешь за меня замуж, принцесса?

— Нет, — говорит она и улыбается, — но спасибо за прогулку. А ты отпустишь меня?

— Нет, — улыбается он в ответ и уходит.

Ангелина, придя в покои и ополоснувшись в купальне, заснула, едва ее голова коснулась подушки. Сил не было даже поесть, хоть она и проголодалась за время прогулки.

А Нории с братом всю ночь летали по караван-сараям, пытаясь найти у кочевых торговцев драгоценный и редкий сейчас в Песках чай.

На следующее утро она проснулась привычно рано. Мышцы болели после физических нагрузок прошедшего дня, и Ани немного полежала с закрытыми глазами, потянулась и встала.

На столике у кровати на маленькой жаровне дымился парком пузатый, черный, покрытый блестящей глазурью чайник. Стояли чашки, на салфетке лежали ложечки, сверкали золотой росписью розетки с кусковым желтоватым сахаром, с медом, с орехами и цукатами. А посреди стола — блюдо, очень похожее на то, в котором ей приносили золото, и на этом блюде лежал небольшой мешочек, перевязанный тесьмой.

Она развязала тесьму, поднесла мешочек к лицу, вдохнула горьковато-пряный запах черного чая, улыбнулась. Вернулось очарование вчерашнего вечера, и принцесса, перед тем как отправиться в купальню, заварила себе чашечку и оставила настаиваться.

Пока лежала в теплом бассейне, а пузырьки щекотали ее тело, думала: вчера она видела парадную часть Истаила. Но теперь очень хотелось узнать о его изнанке. Куда вывозят мусор? Как устроена канализация? Где хоронят умерших? Есть ли школы, детские сады, государственные службы? Налоги? Работает ли аналог полиции? Есть ли армия? Откуда на базаре столько товаров, налажена ли с кем-то торговля? Откуда вообще берутся ресурсы для существования города? Есть ли роддома, медицинские учреждения, тюрьмы?

Вопросы роились в голове, и принцесса пожалела, что под рукой нет ручки с бумагой, дабы записать их и задать потом Нории.

Зашла служанка, поздоровалась, положила стопку свежих полотенец, платье, туфли и вышла, уже приученная к тому, что госпожу не нужно вытирать и одевать. И Ани, одевшись, поспешила в спальню, предвкушая, как обдумает все это за чашкой горячего ароматного чая.

В спальне ее ждал дракон, и она даже не возмущилась привычно — так сильно было очарование вчерашнего вечера. Подошла, села напротив, взяла чашку, сделала глоток.

— Я рад, что ты наконец-то приняла мой дар, — пророкотал он с удовольствием.

Очарование исчезло, сменившись гневом, будто ее обманули, как ребенка, и принцесса, глядя ему в глаза, перевернула чашку, выливая терпко пахнувший напиток на пол. Схватила мешочек, роняя розетки и рассыпая цукаты и сахар, и швырнула его в сторону окна.

В комнате похолодало, затрепетали легкие занавески, пальцы стало покалывать, и она усилием воли загоняла силу внутрь, не позволяя себе сорваться. Удавалось с трудом, у нее

даже голова закружилась от напряжения. Во взгляде красноволосого мелькнул отголосок грозы, но тут же пропал.

Нории подался вперед, закрыл глаза и улыбнулся. И Ангелина вдруг успокоилась, будто и не было этой вспышки, села, выпрямила спину.

— Чай не понравился? — спросил он насмешливо. — Или я тебя чем-то обидел? Ты не хотела золота, но пожелала чая. Но его ты тоже не приняла. Я не понимаю.

— Меня просветили, — сказала она медленно, и ее голос с каждым словом становился все холоднее, — что женщина, принимающая дары от мужчины, тем самым показывает, что она не против связать свою жизнь с ним, — вчерашние женские посиделки прошли не зря.

Нории кивнул, подтверждая.

— А я просто хотела выпить чаю, — произнесла принцесса, четко и звонко выговаривая слова.

— Извини, — спокойно ответил он. Хотя, честно говоря, извиняться стоило ей, потому что донести можно было и не так наглядно. — Но тебе все равно придется согласиться. И ты согласишься, рано или поздно.

— А если не соглашусь? — спросила Ангелина резко. — Заставите?

— Разве тебя заставишь? — усмехнулся дракон.

— Тогда как? — самообладание вернулось полностью, и только лежавший у окна мешочек и поблескивающая у самых ног лужа напоминали о недавней вспышке гнева.

— Убеждением, конечно, — Нории откинулся на подушки, вытянул ноги. — Ты же не маленький ребенок, можешь принимать разумные решения.

— Мое разумное решение, — отчеканила принцесса, — вернуться в свой мир. А вот остаться и стать женой чужого человека, в чужом мне мире, который, кстати, выглядит вполне процветающим и сытым, будет как раз неразумно. Что бы вы делали, если бы вас в нынешней ситуации похитили и вынуждали оставаться в другой стране, жениться на той, которой взбрело бы в голову, что вы можете спасти ее народ? Что бы вы выбрали: свою землю, свой народ, своих родных — или чужих? Как бы вы вели себя, если бы возникла угроза, что вы никогда не вернетесь домой?

Нории слушал ее и молчал, ждал, пока она выговорится.

— Я бы всеми силами старался вернуться, — проговорил он своим низким рокочущим голосом. Она подняла брови, посмотрела выразительно. — Но это ничего не меняет, Ангелина. Мне жаль, но ты нужна мне.

Она промолчала. Зачем спорить?

— Я хочу показать тебе кое-что, — продолжил дракон. — Но для этого придется полетать. согласишься?

Принцесса подумала и кивнула. С высоты будет легче сориентироваться, куда направляться в случае побега. Раз уж ее аргументы не слышат, придется действовать, как запланировала.

Ангелина, памятуя о том, как было холодно на высоте, захватила плащ, выбрала одежду потеплее. Нории привел ее в тот же двор, куда они прилетели пятью днями ранее, перекинулся, подставил крыло, и она уже привычно взошла по нему на горячую драконью спину, укуталась, схватилась за гребень.

И полетела.

Несмотря ни на что, ощущения были упоительными. Но все-таки принцесса отметила, в

какой стороне виднеются горы, хотя даже с высоты они были похожи на синеватую неровную полосу на горизонте.

А Нории, размеренно махая крыльями, думал о пронзившем все тело жарком потоке, который буквально рванулся во все стороны от разгневанной принцессы и почти полностью снял и его усталость после бессонной ночи, и боль в мышцах от ночных полетов. Совершенно необузданный огонь, с которым она, как видно, не умеет управляться. Даже удивительно, как при такой бушующей внутри энергии женщина ухитряется сохранять хладнокровие.

Они летели часа два, под поднимающимся южным солнцем, над бесконечными барханами, и наконец стали спускаться. Прямо посреди пустыни. Хотя нет, Ани разглядела какие-то белые пятна, когда они пошли на спуск. Похоже... постройки прямо посреди песка? Часть стены, ворота, кажется?

Сбежала по крылу, снимая плащ и все еще не понимая, когда сзади раздался голос перекинувшегося обратно дракона:

— Это Тафия, Город-у-реки. Смотри, принцесса. Смотри.

Он был обнажен, и она отвела взгляд, снова посмотрела вперед.

Ворота были заперты наглухо, но нанесенный песок почти скрыл стены, и она взошла по нему, проваливаясь, и остановилась.

Огромный город был высушен, заполнен песком и мертв. Кое-где видны крыши домов, шпили и купола храмов — все серовато-грязные, иссеченные ветрами. Вдали — большой купол; видимо, там дворец.

Было так тихо, что она слышала дыхание стоявшего позади Нории.

— Тафия стояла на реке Неру, которая впадала в Южное море. Здесь ходили корабли, множество кораблей, а в порту было не протолкнуться от народа. Здесь был основан первый в мире университет. Здесь можно было услышать речь всех народов мира, и в окрестностях этого города жило больше всего драконов, помогающих местным Владыкам поить силой землю. Я видел это всего четыре луны назад, принцесса. Четыре луны назад для меня эта земля была живой и влажной, до горизонта стояли леса и пастбища и везде была вода. Люди не голодали и не умирали от солнца. А наш род не был практически уничтожен.

А теперь все, ранее живущие здесь, мертвы, и город тоже давно погребен под песком. И нет реки, и нет порта, и нет драконов. Это все сделал Седрик, чьей кровью ты являешься. И ты можешь спасти нас. Теперь ты понимаешь, почему я не могу тебя отпустить?

Ангелина молча отвернулась и пошла вниз со стены. Молча шел за ней дракон, остановился, перекинулся, подставил крыло.

Они снова куда-то летели, и солнце уже жарко припекало, и вдруг захотелось есть — они так и не позавтракали, да и ужин вчера она пропустила.

Снова опустились у пятна зелени, обернувшегося небольшим оазисом с чахлыми пальмочками на серой земле, жухлой травой и мутным пересыхающим озерцом. У оазиса кипела жизнь: стояли шатры, ревели животные, занимались своими делами люди — тут кто-то штопал одежду, там чистили песком посуду. Неприятно пахло пережаренным мясом, горклым маслом, навозом, животными и пóтом.

— Пойдем, — сказал Нории и зашагал вперед. Идти не хотелось, потому что Ангелина понимала, зачем он ее сюда принес, и представляла, что увидит. Но пошла, глядя на красные волосы, касающиеся широкой спины, на качающийся вплетенный ключ, на ягодицы, ровные

бедра и ноги. Он был высоким и очень гармонично сложенным, очень ярким и контрастным на фоне окружающей серости и желтизны, со своей светлой, почти алебастровой кожей и красными волосами. И она в очередной раз подумала, что он выглядит, как существо из другого мира.

Ну или как волшебный дракон-оборотень.

Им навстречу уже степенно шагали седобородые старцы в странных головных уборах, подошли, совсем не удивляясь голому дракону и закутанной, несмотря на жару, в плащ женщине. Поклонились, сложив руки на животах, заговорили, активно жестикулируя. Нории слушал их, склонив голову и что-то отвечая, а Ани осматривалась вокруг.

Худые, черные от солнца, уставшие люди, мужчины и женщины, осторожно выглядывающая из-за родителей и деревьев любопытная ребятня. Дети были ужасно худыми — еще немного, и можно было бы назвать их истощенными. Почти все босые, одежда выцветшая и такая же тусклая, как всё вокруг.

— Они приглашают нас к себе, — сказал Нории и пошел вперед, не глядя, идет ли принцесса за ним. А куда ей было деваться?

В шатре оказалось душно, женщины спешно стелили ковры, выставляли на них еду, сладости, воду. Мужчины притащили с улицы казан с пловом, и гостей усадили на подушки, седой глава кочевников о чем-то говорил высоким срывающимся голосом, кланяясь то дракону, то ей, Ангелине. Слава богам, Нории прикрылся, просто набросив на бедра какую-то накидку.

Снова появилось чувство, как на завтраке у шейха. Будто они приехали покичиться на фоне бедных, нищих людей. Старый дед, кланяясь, протянул им лепешки, сам уселся, выжидательно посмотрел на гостей.

— Я не хочу есть, — сказала Ани тихо, хотя желудок уже давно сосало от голода. Как она может объесть этих людей?

— Надо, — пророкотал дракон, откусывая кусок лепешки и загребая горсть плова рукой из казана. — Не обижай их, пожалуйста.

И она ела, и он ел, и их благодарили за это и радовались, что они посетили их жилище и принесли благословение. Все эти речи дракон переводил ей, а она старалась держать спину и улыбку на лице. Было тяжело и больно. И хотелось ударить красноволосого, устроившего эмоциональный прессинг.

Вернулись они во дворец часам к четырем, под палящим зноем. У Ангелины разболелась голова, ей хотелось плакать.

— Так ты станешь моей женой, принцесса? — спросил Нории, внимательно глядя на нее.

— Я не меняю своих решений, — сказала она. — Никогда.

— Никогда — слишком долго для однозначности, — пророкотал он и ушел.

К вечеру стала понятна причина ее плаксивости и агрессивности — пришли ежемесячные женские неприятности. Жара просто убивала, отсутствие нормальных и привычных средств гигиены раздражало, еда казалась слишком острой, запах цветов вызывал мигрень, служанки были очень навязчивыми, сладости — сладкими, кровать — мягкой. И никого из родных не было рядом — не для того чтобы пожаловаться, а чтобы просто ощутить, что она не одна.

Принцесса подняла мешочек с чаем, так и лежавший у окна, заварила и выпила чашку. Потом еще и еще. И этот домашний вкус наконец-то ее успокоил.

Начало октября, Иоаннесбург

Мариан Байдек

Василина торопилась — сегодня была первая официальная встреча с коллегами, первый ее межгосударственный совет. Поэтому она быстро доела завтрак, передала Мартинку няне, поцеловала Мариана:

— Уверен, что не хочешь пойти со мной?

Он был немного напряжен, и нужно бы было остаться, расспросить, в чем дело, но время поджимало. Байдек обнял ее, погладил по спине.

— У меня срочный разговор с Тандаджи, василек. Ты справишься, не переживай.

Она уже было открыла рот, чтобы попросить перенести разговор, потому что его привычная поддержка вселяла спокойствие, но подумала, что надо же когда-то становиться самостоятельной. Прижалась к нему, еще раз поцеловала и вышла.

Барон, прихватив чашку с чаем, спокойно отвел мальчишек в детский сад при дворце, где с маленькими принцами находились и дети придворных, вернулся в свои покои, поднял телефонную трубку.

— Тандаджи, слушаю, — раздался суховатый голос начальника разведуправления.

— Меня отравили, — коротко сообщил Мариан, с трудом выговаривая слова и чувствуя, как начавший скручиваться внутри еще за завтраком болезненный узел пульсирует и пробивает тело судорогами. — Пришли в покои виталистов и своих людей. И тихо, чтобы Василина не знала!

[Купить полную версию книги](#)